

И. Сотников

Апокалипсис в шляпе вместо кролика

Исчезнувший

18+

Игорь Сотников

**Апокалипсис в шляпе,
заместо кролика**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Сотников И.

Апокалипсис в шляпе, вместо кролика / И. Сотников —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

"Потерявши плачем", — первое дело, которым занялась героиня повествования Клава. Затем наступает время вопросов со своим поиском ответов, приведших её к человеку, взявшемуся ей помочь в этом её деле по поиску пропавшего мужа. И как следствие всего этого — новые вопросы и попытка Клавы найти ответы на свои прежние и новые вопросы. Где теперь на первом месте стоит вопрос: кто такой этот её помощник?

Содержание

«Если претензии и убеждения людей о чём-то, могут полностью объяснены, как вытекающие из причин, не имеющих связи с самим предметом убеждений, то это является причиной для дискредитации таких убеждений и рассмотрения вещи как иллюзорной». – Франкиш. К.	5
История первая. Исчезнувший.	26
Глава 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Игорь Сотников

Апокалипсис в шляпе, заместо кролика

«Если претензии и убеждения людей о чём-то, могут полностью объяснены, как вытекающие из причин, не имеющих связи с самим предметом убеждений, то это является причиной для дискредитации таких убеждений и рассмотрения вещи как иллюзорной». – Франкиш. К.

Глава: Аналоговая.

Призванная предварить собой начало произведения, по мере своей возможности ввести читателя в начальный курс предстоящих событий, и с самых первых строк захватить его в тиски своего любопытства.

Все самые захватывающие нас события и происшествия начинаются с предварительных разговоров людей с умными лицами на тему обмозгования этого будущего дела, сулящего этим людям с умными лицами и перспективными мыслями насчёт себя и всего мира вокруг, скажем так, куда как лучшее будущего, если бы они о нём вот так рассудительно не задумывались и сейчас его не обмозговывали.

Ну а такие серьёзные разговоры никогда не ведутся на ногах и тем более на ходу (кто-то умный и немного ленивый, сказал, что в ногах правды нет). И это на самом деле очень разумное решение. А то вот так бывает, что ты, как-то раз мысленно преследуя некую крайне для тебя перспективную и оттого важную цель, за всем этим своим глубокомыслием и забудешь о том, что ты не безопасно и удобно сейчас устроился на диванчике, откуда, даже если постараться, то не сразу упадёшь, а ты сейчас идёшь пешком по какой-нибудь парковой дорожке, где тебе всегда легко дышалось, и до сегодняшнего дня вроде как и думалось (легкомысленно размышлять в таких случаях не возбраняется), и вдруг, в самый кульминационный для себя момент, натыкаешься... Нет, не на удачную мысль, позволившую бы тебе в будущем стать весьма и весьма обеспеченным человеком, а ты натыкаешься ногой на выбоину, – этого предусмотреть и значить предупредить нельзя, – и ты вместо того чтобы стать этим обеспеченным человеком, сейчас обеспечен на долгое время шишкой на лбу.

Так что нет ничего удивительного в том, что такого рода серьёзный разговор, с большими перспективами на будущее, если он пока ещё и не состоялся, но он обязательно и вскоре состоится, то не на ходу, а, к примеру, в каком-нибудь в самом обычном заведении общепита (это чтобы не привлекать внимание людей любопытных до чужого беззаботного будущего – это, как правило, такое будущее, где не нужно будет думать о своём будущем, в общем, если ты хочешь в будущем о своём будущем не думать, ты должен хорошенько о нём подумать в этом своём настоящем). Где можно не опасаться за то, что тебя в самый неожиданный для тебя момент ноги подведут. А здесь можно удобно устроиться на стуле, заказать себе чего-нибудь способствующего работе мысли и, вытянув ноги под столом, завести этот столь для всех важный разговор.

Правда не сразу, а для начала нужно поговорить о самых обыденных вещах, чтобы так сказать, настроить себя на нужный лад и прочувствовать настрой собеседников – надо узнать, как далеко они готовы сегодня зайти в разговорах. Ну а как только будет выяснено, что кого и по большому счёту больше всего волнует и нервирует (такие встречи с единомышленниками,

где можно обо всём без утайки поговорить, представляют из себя образный сеанс эмоциональной разгрузки), – а люди не особо друг от друга отличаются и всех беспокоят одни и те же вещи, – то вслед за всем этим, если проблема уже назрела для своего обсуждения и решения, и заводится серьёзный разговор по поиску решения этой проблемы.

– Достало меня уже всё! – вдруг, ни с того, ни с сего, громко возмутится один из флегматично настроенных посидельцев, треснув кулаком по столу. Правда всё это, ни с того, ни с сего, есть только видимость, тогда как на самом деле, жизнь под постоянным давлением внимательности второй домашней половины к каждому шагу этого возмущившегося собеседника, к этому уже давно его подводила. Ну а когда чашки на блюдцах на столе отзвонились, то никто из собеседников и товарищей этого взорвавшегося человека, не стал ему предъявлять претензии по поводу своего испачканного костюма или рубашки, на которую пролился кофе из чашек, а все отлично понимают (из предварительного разговора это выяснилось), что послужило причиной этой его вспышки и что он просто уже не мог сдержаться, находясь на пределе своих нервов.

И тут, как правило, слово берёт самый рассудительный из всех собеседник, имеющий на всё свои мысли и суждения, отчасти смелые, а бывает, что и слишком дерзкие. И этого рассудительного собеседника, под давлением западного менталитета, склонного всё криминализировать в чтиво, назвали бы мистер Мутный, что отчасти верная оценка, так как он был для многих сложной и непонятной фигурой, но географические особенности места нахождения этого питейного заведения настаивают на другой именной транскрипции этого рассудительного человека, в одних кругах зовущегося господином, а среди его ближнего круга товарищем. Где первые, те, кто находился дальше от товарищей, а среди господ особой близости никогда не наблюдалось, в общем, кто настаивал на звании господин, звали этого господина не в пример западной ментальности господином Прозорливым. И не просто Прозорливым, а провокационно таким дальновидным.

Что же касается его близких товарищей, то они были ближе всех к истине, называя его по данному ему от рождения имени, Иван Павлович, при этом за его спиной не забывая называть его товарищ Хаос. Уж больно он был категорично настроен к сложившейся системе человеческих отношений. – Порядком не люблю я весь этот порядок. – Вот прямо так, никого не боясь и, даже не опасаясь, заявлял товарищ Хаос.

– Вот значит как. – Многозначительно так скажет этот рассудительный человек, из глубины себя посмотрев на своего нервного товарища, мгновенно привлеча к себе общее внимание (все знают, что от него по любому поводу можно ждать интересного предложения). А рассудительный человек, Иван Павлович, и не спешит тешить всеобщее любопытство, всё больше интригуя их своим задумчивым молчанием, где он чайной ложкой помешивает чай в своей чашке, которую он предусмотрительно взял в руки и тем самым миновал общей участи, быть облитым. И вот когда его товарищи по столу уже начинают от нетерпения ёрзать на своих местах, то тогда он заговаривает.

– А ты её убей. – Говорит этот рассудительный человек, Иван Павлович, вгоняя своих товарищей в удивлённое непонимание им сказанного и самого него. Что заставляет их обратить повышенное внимание на этого своего рассудительного товарища, демонстрирующего сейчас совсем другие качества, не связанные с разумным подходом к этому, крайне важному для его близкого товарища делу.

– Хотя как на это дело посмотреть. – Посмотрев внимательно на Ивана Павловича, придерживающего сейчас трудно объяснимого подхода к своему близкому товарищу (он пока не представлялся, так что возьмём на себя ответственность по его об именованию – назовём его Вред Вредыч), и, не обнаружив в нём ни капли сомнения, ни причин беспокойства за себя, приходят к такому решению остальные сидящие за столом люди и переводят свои внимательные взгляды на этого недовольного своей жизнью, Вреда Вредыча.

И как сейчас же выясняется, то у товарищей Вреда Вредыча, нет единого мнения и взглядов на него и отстаиваемую им позицию, человека недовольного своей жизнью и кого всё достало. И если уж быть откровенно честным с самим собой, то товарищи Вреда Вредыча, в самом мягком случае считают, что он в конце зажрался, раз проявляет такое недовольство своей, полные закрома счастья жизнью, и в более категоричном случае, к которому склонялось большинство из здесь сидящих, то они всецело поддержали бы милую супругу Вреда Вредыча, Марту. Конечно, не без своих сложностей и вредного характера качеств, но таковы уж все видные индивидуальности и чужие жёны, всегда очень заманчиво и привлекательно выглядящие со стороны для не своих мужей. Где Марте приходится терпеть этого, одно беспокойство и вред, Вреда Вредыча, и которой только за одно то, что она терпит возле себя такого беспокойного человека, памятник при жизни нужно установить (когда дело касается установления истины, то у Вреда Вредыча друзей и товарищей нет).

И самая многочисленная группа друзей и товарищей Вреда Вредыча, для коих нет ничего важнее, чем установление истины, после подспудного осознания неправоты Вреда Вредыча, и воспоминания супруги Вреда Вредыча, по ангельски выглядящей Марты (их уму до сих пор непостижимо понять, как такое могло случиться, что она на него позарилась), единодушно озарились одной мыслью. – Убить его мало за такие слова.

Ну а другая, совсем малочисленная группа людей, состоящая только из одного человека, сидящего за соседним столом, и кто всё это случайно услышал, по причине того, что этот человек с большими и неприкрытыми ушами, совсем не знал супруги Вреда Вредыча, Марты, а то бы он изменил своё мнение, занял на этот счёт совершенно другую позицию. – Убить этого рассудительного человека мало за то ... А он и сам не знает за что, но почему-то этого хочет.

Но это всё сторонние взгляды и мнения, мало что значащие и вряд ли повлиявшие на окончательное решение Вреда Вредыча по поводу своей супруги Марты. Правда, прежде чем приступить к рассмотрению этого дела, Вред Вредыч должен для себя отчётливо уяснить и понять, что всё это сказанное Иваном Павловичем на самом деле значит. Ведь больше всех Ивана Павловича не понимает тот, кто всю эту кашу со своим возмущением заварил, то есть сам Вред Вредыч.

– Ты это, видно шутишь? – деланно улыбаясь, спрашивает он этого рассудительного человека, Ивана Павловича. А тот и не думал шутить, что он ему и говорит.

– И не думал. – Говорит он. – И я даже не вижу, что здесь смешного и над чем можно посмеяться. А это моё предложение вполне разумно, когда иного выхода нет. Или всё-таки выход есть? – пристально посмотрев на Вреда Вредыча, задался вопросом рассудительный человек, Иван Павлович. И вслед за ним все сидящие за столом люди, в том числе и тот человек за соседним столом, с длинными ушами (это видимо не природная аномалия, а приобретённая им слуховая дальновидность), воззрились на Вреда Вредыча, пытаясь раскусить этого привередливого человека, Вреда Вредыча, – что же на этот раз, тебя, невыносимого характера человека, не устроило в Марте?

А ведь стоило ей узнать о таком категоричном на её счёт предложении рассудительного человека, Ивана Павловича, то она хоть и не удивилась бы этому, – Иван Павлович всегда её удивлял ходом своей мысли, – тем не менее, у неё не могут не возникнуть свои вопросы к своему супругу, Вреду Вредычу. – А я что-то не поняла, – несколько предосудительно посмотрев на Вреда Вредыча, тоном голоса, не подразумевающим никакой поправки, задаётся вопросом Марта, – а что это вы сразу не отвергли это его предложение, а как мне сказали, о чём-то даже задумались? – Вред Вредыч в момент осел в ногах от испуга, и принялся судорожно соображать не о том, о чём нужно было в данный момент думать, – какая сволочь меня выдала?

А Марта сейчас как никогда на взводе, – не каждый день услышишь, какие на твой счёт имеются планы у твоего муженька, негодяя из подлецов, – и она, прежде чем обратиться в правоохранительные органы, решила выяснить для себя, есть ли у этого отступника и потен-

циального убийцы, какие-то смягчающие обстоятельства. Хотя в таких случаях их не бывает, а вот отягчающих сколько угодно. – Ему, гаду, мало того, что она ему свою молодость отдаёт, а по сути, он день за днём, час за часом, минуту за минутой, крадёт у неё время жизни и таким образом приближает её к окончательному исходу, смерти. И она даже не побоится этого слова сказать и скажет – он убивает её. Но ему видимо этого мало, и он решил ускорить это дело. – Вот так за Вреда Вредыча всё решила Марта.

– Так что молчишь? Думал о моей смерти? – впившись взглядом во Вреда Вредыча, задалась вопросом Марта. А Вред Вредыч и слова вымолвить не может, вдруг поняв, что соврать ей не сможет (у него действительно промелькнула такая мысль в голове на одно мгновение, когда Иван Павлович так его удивил этим своим заявлением). Ну а Марта всё это его молчание воспринимает как его упорство и доказательство его виновности.

– Я всё за вас поняла, можете даже не оправдываться. – Теперь уже с жестокостью посмотрев на Вреда Вредыча, говорит Марта. – Вы не просто задумались над этим предложением Ивана Павловича, который, если хотите знать, делал мне недвусмысленные предложения (теперь сопоставьте факты и сделайте для себя выводы, чего он в итоге добивается), а вы обдумывали, каким образом всё это дело повернуть так, чтобы не быть пойманным. Но сразу видимо ничего в голову не пришло, – а от меня не жди подсказок, – вот ты и решил повременить с этим делом, не твёрдым голосом сказав нет. Что, так всё и было? – Задалась вопросом Марта, для убедительности своих слов прихватив со стола кухонный нож (этот разговор проходил на кухне, где и происходили все самые серьёзные и судьбоносные семейные разговоры – Вред Вредыч по этой причине стройно выглядел, лишний раз, без особой необходимости не появляясь на кухне).

Но вроде пока Марте ничего неизвестно о таком факте преступления со стороны Вреда Вредыча в её адрес, и этот разговор может и не состояться, если ... Здесь много если, так что и не угадаешь, какое если в итоге станет решающим. А вот сейчас всех интересуют вопрос вредности Вреда Вредыча, чем ему опять не угодила Марта.

– Не иначе своя блеклость и серость на совместной с Мартой фотокарточке, где Марта оттенила его своей красотой. А он ничего и поделать не может, вот и бесится. – Без особого труда, все тут догадались, насколько Вред Вредыч для всех противен своей заносчивостью и привередливостью.

Но всё это не относится к делу, когда окончательное решение за Вред Вредычем. И как немедленно выясняется, то не всё так печально у этого разволновавшегося человека, Вреда Вредыча, и та, кто его окончательно достала, то есть Марта, как с минуту назад думал этот разволновавшийся человек, ещё не настолько его достала, чтобы он столь категорично на её счёт сделал выводы. И все сидящие за этим столом люди, были вынуждены в очередной раз признать, что их товарищ, рассудительный человек Иван Павлович, далеко не глуп и достаточно прозорливо мыслит. Правда, его методы по приведению в порядок разумение людей, несколько провокационны, но это ничего, когда они так результативны.

Ну а всякой мысли, даже и такой тяжёлой, которую высказал вслух рассудительный человек, Иван Павлович, имея в себе характеристики сверхпроводимости, даже не нужно оформляться в слова, чтобы она было донесена до её осознания людьми чуть подальше от этого стола сидящими. И эта мысль, не проскочив мимо одного из столиков, заинтересовала собой наткнувшегося на эту мысль сидящего за этим столиком человека такой беспредельной наружности, что рядом с ним тяжело было находиться людям с обычной внешностью, и оттого у него в друзьях и так по делу, ходил столь же прекрасных качеств человек.

– А есть ли предел человеческим возможностям? – задался вопросом этот до жути страшный человек (его бы в кафе не пустили, он всех клиентов собой распугает, но владельцы кафе сами его испугались), глядя куда-то сквозь своего напарника. А его напарник, как уплетал пищу, так и продолжал, таким образом, себя обустривать в этой жизни. Он никогда не обра-

щал внимания на такого рода выверты душевной конституции своего товарища (это, понятно, что не его слова – с первых строк своего повествование не хотелось прибегать к нецензурным выражениям, вот и пришлось за него формулировать его мысль), так с чего он сейчас будет изменять этому правилу.

Что же касается заданного вопроса этим страшным человеком, то не это более интересно (ответ на этот вопрос очевиден), а скорее вызывает вопросы то, а возможно ли такое, чтобы таких невероятных качеств человек, задавался такого рода философскими вопросами. Хотя для этой его глубокомысленности имелись свои глубинные объяснения. И если бы удалось заглянуть под стол, за которым разместились эти суровые личности, то можно было найти для себя ответ, правда только отчасти, на вопрос о том, откуда у этого человека появились все эти мысли в голове.

А всё дело в том, что этот суровый к своей и чужой действительности человек, как-то удивительно даже поместил свои ноги под столом. Так одна из ног, в преотличных туфлях, всей своей подошвой стояла на полу, в чём ничего не было странного, тогда как вторая нога, возможно всегда имевшая свои претензионного характера вопросы к своей напарнице, а может она была самая задиристая и ей никогда спокойно не стоялось, а уж что говорить о том, когда она освобождалась на время от этих своих обязанностей, и когда на неё не давил своим весом её хозяин, – она не знала, куда себя деть, – взяла и поместилась поверх своей напарницы.

И не просто так, как бы всё это случайно вышло, а она всем своим весом давила на свою напарницу ногу. И вот если соединить воедино и провести свои параллели между увиденным и сказанным этим человеком, а давил он на ногу изо всех сил, то можно догадаться и отчасти понять это его вопрошание – он на практике, на самом себе, решил узнать предел человеческих возможностей. И при этом подошёл к этому вопросу не однобоко, где только проверяется его предельная выдержка, как например, если бы его поместили в парилке и поднимали до крайних пределов температуру (этому типу достаточно и 60 градусов чтобы свариться, а вот этот и при ста мёрзнет), а он одновременно выступал в качестве испытуемого и образного палача. Где каждый доходил до своих предельных значений в противостоянии друг с другом.

Это было что-то на подобии парадокса бога: «Может ли бог создать такой камень, который бы ему не по плечу было поднять». Так и этот суровый человек, с одной стороны верил в то, что ему под силу любой силе и давлению на себя противостоять, а с другой стороны он был уверен в том, что нет такой ему противостоящей силы, которую он не смог бы сломить. И вот он сейчас, там, под столом, и пытался разрешить этот вопрос.

Но наша первоначальная мысль больше не задерживается за этим столиком и движется дальше, к самому дальнему от входа столику, стоявшему особняком от всех. Правда ей не сразу это удаётся сделать и она, как это часто бывает, на пути к своей цели натывается на отвлечённую мысль, на этот раз в виде широченной от переизбытка калорий спины едока-человека.

– А не слишком ли я зажился от хорошей жизни? – очень для себя неожиданно задаётся вопросом этот едок-человек, остановившись ртом на полпути к источающему жиром пирогу. Здесь он косится на свои долгосрочные отложения, выпирающие в боках, и приходит к удивившей его мысли. – А может уже пора привести себя в стройность отношений, для начала с одеждой, а затем и девушки подтянуться ко мне подтянутому, начав питаться надеждами на это захватывающее будущее?

Но на этом всё и мы берём себя в руки, – этот пышущий здоровьем и желаниями надежд человек, ещё только думает взять себя в руки, и он нам не помощник, – и доводим нашу начальную мысль к нашей итоговой цели. И наше повествование вновь упорядочивается и следует своим пошаговым путём до... Одного столика, ничем вроде с виду неотличимого от всех остальных, но в тоже отличного от всех остальных столиков своей внутренней константой – он самый романтический столик из всех здесь имеющихся в наличие столиков, за которым только

и делаются сердечные признания, и бывает что и предлагают руку и сердце, вместе с кольцом в придачу. А почему этот столик так был признан влюблёнными, то тут сразу, и не поймёшь, и не разберёшься в этом вопросе, пока сам не окажешься на месте влюблённого человека.

А как только поймёшь всем своим сердцем, что без одного, очень интересного для тебя человека, ты себя и себе места нигде не находишь, то ты в один взгляд на внутреннее пространство этого кафе, сразу находишь тот самый столик, куда только и будет удобно присесть вместе с этим интересным для тебя человеком, чтобы с ним о том о сём поговорить, глядя друг другу пристально в глаза. А этот интересный для тебя человек, что за увлекающаяся и такая внимательная к тебе и к каждому твоему слову натура, не может пропустить мимо себя не единого тобою сказанного слова, и поэтому частенько просит тебя повторить эти твои затёртые, доносящимся шумом с улицы слова. А чтобы тебе это делать было не слишком сложно, да и шум с улицы из открытой двери всё также и по прежнему доносится, то было бы неплохо по мнению этого очень для тебя интересного человека, если бы ты придвинулся к ней поближе, и всё, что до этого сказал, повторил ей прямо в ушко.

А тебе не только не нужно два раза повторять всё это, даже несмотря на весь этот шум с улицы, а ты сам давно всего этого хочешь и жаждешь услышать. Так что только тебе это сказали, так ты вот уже рядом сидишь с этим интересным для тебя человеком и наклоняешься к нему, чтобы вложить ей все эти не расслышанные ею слова. И вот тут-то вдруг и происходит неожиданная вещь для вас обоих. Где ты, видимо, из-за чрезмерного своего волнения, вызванного такой близостью с этим интересным для тебя человеком, не рассчитал траекторию направления к её ушку, и раз, промахнулся, и попал... А вот куда и в какие глубины притяжения и чьего-то ожидания ты попал, то об этом в данный момент было невозможно сообразить. И единственное, что в тот столь притягательный момент можно было понять и выяснить, так это то, что интересный для тебя человек совсем не против вот таких отступлений с твоей стороны.

И вот здесь, у этого столика, расположившегося в самом романтическом месте в кафе, – а такие столики всегда есть в любом из кафе, а вот как их узнать, то очень легко, сидящие за этим столиком парочки оторвать взгляда друг от друга не могут, и часто так бывает, что после нашептывания чего-нибудь интересного на ушко друг другу, они целуются, – на этот раз разместились не просто пара людей, заинтересованных друг в друге и с затаёнными пока что, но не очень, планами на совместное будущее, а что было для этого места весьма неожиданно, то за ним сейчас разместилось сразу трое людей. Что, может быть, всего лишь была случайность или ошибка со стороны этих людей, которые в своей спешке не разобрались в том, какой они столик занимают, или же причина была в том, что свободных столов в кафе на данный момент больше не было и они за неимением других предложений, отложили на своё время планы некоторых романтично друг к другу настроенных людей.

И так бы было более легче и спокойней о них подумать, а затем их оставить в покое за своей спиной, пройдя дальше, если бы не одно, а целых два но – бросаемые одним из молодых людей, занявших этот столик, неизредко многозначительные взгляды в сторону сидящей сбоку от него весьма и весьма привлекательной молодой особы, и второе но, она в свою очередь, так же целеустремлённо и чуть-чуть прикрито своими длинными ресницами, поглядывала в другую сторону, где сидел, строго напротив первого молодого человека другой, хоть и не столь молодо выглядящий, но в такой же возрастной группе молодой человек.

И вот тут-то становится ясным, что совсем не важно, что за этим столом говорят между собой все эти люди, а тут главное то, как на всё это посмотреть и как друг на друга смотрят все они, когда никто за их взглядами не наблюдает. И здесь-то и выясняется, что, пожалуй, они не совершили большой ошибки, направив свой ход прямо к этому столику, по прибытию сюда. И им, пожалуй, нужно больше, чем всем остальным уже определившимся парочкам, посидеть здесь, и разобраться в себе и в том, кто же здесь из них третий лишний.

«Классический любовный треугольник», – со знанием теории заявит, на всё это смотря, человек с лицом много о таких геометрических фигурах знающий. Затем прихлебнёт из чашки горячего кофе и добавит. – И если есть желание, то я готов для вас расшифровать этот треугольник, с геометрической точки зрения.

– А вот это, пожалуй, интересно. – Последует ответ от людей спешащих всё знать и не всегда на себя и своё разумение надеющихся. – И что же ваша школа геометрической расшифровки говорит, в этих любовных, тригонометрических случаях? – зададутся вопросом эти неуверенные в себе люди (оттого-то они и вкрапляют в свои выражения все эти технически сложные слова, которые совсем здесь не к месту). Но шифровальщик ничего против этого не имеет, и готов немедленно приступить в расшифровке этого треугольника.

– Главное в этом вопросе, это угол зрения участников этого внутреннего заговора на возникшую с ними ситуацию. – Шифровальщик, как, наверное, многими подспудно ожидалось, пустился в конспирологию. – И здесь в первую очередь нужно обратить внимание на то, под каким углом зрения они разместились по отношению друг к другу. И как мы видим, то молодые люди сели строго напротив друг друга. Что говорит о том, что они ничего не собираются скрывать друг от друга. А вот их спутница, буду откровенно честен с вами, весьма и весьма привлекательная особа, сидит под 90 градусов от каждого от них. А другими словами, разделяет их взгляды на всё строго напополам. То есть, они смотрят на друг друга и на окружающий их мир вокруг, через призму её взгляда на них. И не считаться с этим не представляется возможным. А вот как они с этим не считаются, то тут стоит подумать. – На этом шифровальщик надолго замолчал, уткнувшись в одну точку на глубине своей чашки. И тут-то до доверившихся ему людей дошло понимание этого шифровальщика – он гад, пил не просто кофе, а кофе с коньяком. А уж из всего этого следуют свои далеко идущие выводы насчёт всего того, что он тут наговорил.

– Тьфу ты, голову заморочил. – Все, кто всё это от шифровальщика (а шифровался он больше с коньяком, подливая его из фляжки в свою чашку) слышал, придут вот к такому единодушному выводу. А как придут, то попытаются сами разобраться, что же происходит за этим столом, и у кого есть хоть какие-то шансы на успех, а у кого их и не наблюдается.

И первое, что всем придёт на ум, то у этой весьма и весьма привлекательной девушки, всяко есть шанс на ответное чувство, как бы на неё не смотрел тот молодой человек, который, конечно, только делает вид, что в ней не заинтересован нисколько. А это всего лишь такая у него тактика, по овладению её сердца. – Буду себя по отношению к нашей Снежной королеве (только такое имя и идёт на ум для этой весьма и весьма привлекательной девушки) неприступно и холодно вести, а она глядишь и растает. – Вначале себя вот так убедил, а затем и начал в недовольстве свою физиономию отворачивать от Снежной королевы, а вернее сказать, принцессы, тот молодой человек с не пробивной на чувства и эмоции физиономией.

И надо сказать, что эта его тактика на данный момент времени могла быть признана успешной. Снежная принцесса, вполне вероятно, что привыкшая к тому, что она холодна к окружающим её людям, а все остальные к ней горячи и тем греют её слегка озябшее сердечко от этого своего напускного холода, вдруг наткнувшись на такую необычность к себе отношения этого её нового знакомого, само собой заинтриговалась в своём недоумении, и принялась так необычно для себя, себя вести – она стала к нему приглядываться.

– Это что он себе такое позволяет и за кого он, собственно, меня принимает? – переполняясь возмущением, задавалась вопросами Снежная принцесса, искоса поглядывая на этого возмутившего её своей невозмутимостью типа.

А вот его приятель, тот, кто сидел напротив него, и кто вполне вероятно, что испытывал к Снежной принцессе похожие чувства, ничего не видел плохого в том, чтобы искренне смотреть на всё это дело. Вот он и смотрел со всей этой искренностью на Снежную принцессу и само собой, в своей привычности подхода не был ею серьёзно замечен и отмечен. И, пожалуй, для

того чтобы продвинуться или хотя бы сдвинуться с одного места, ему нужно будет что-нибудь не по проще придумать.

Ну а пока он об этом думает, да и все за этим столиком нуждаются во времени для раздумья, нам тут ничего интересного не светит, и мы выдвигаемся дальше, чтобы, наконец-то, добраться до того самого места в этом кафе, где вначале возникнут свои предпосылки для возникновения серьёзного разговора, а затем он и состоится.

А между тем, совсем необязательно, чтобы этот серьёзный и крайне важный для чьего-то будущего разговор (с чего и было начато повествование), состоялся посредством длительной подготовки к нему. А он вполне может состояться спонтанно (как правило, так и бывает), даже тогда, когда ничто не предвещало так задуматься о своём будущем – у всех участников этого будущего судьбоносного разговора, всё в жизни в порядке, – жена не замечена в поглядывании на сторону, и вы пока смотрите с ней в одну сторону, в совместное будущее, на работе вас вроде как все уважают и вашей зарплаты на всю семью хватает, – и как бы ничто не предвещает бурь и потрясений.

Но так всегда и бывает перед самыми знаковыми событиями, – предвестником всех бурь, всегда бывает штиль твоих отношений с жизнью. И достаточно какой-то самой простой случайности, да хотя бы оброненной со стороны фразы: «Я открыл секрет алхимиков», или вам совершенно случайно удастся встретиться взглядом с совершенно неотразимой блондинкой, чтобы в момент задуматься над своей, как оказывается, пресной жизнью и вогнать в то же недовольство своих, ничего неподозревающих товарищей по столу.

И вот за одним из таких, самых обыкновенных столиков (о нём косвенно уже упоминалось мыслью), установленных в одном из множества заведений по приобщению народонаселения к питью кофе не дома, а на выходе из него (это заведение само собой было самого демократического типа – здесь не было явной дискриминации по образовательному типу и в ходу было самообслуживание), с одной стороны стола, лицом к входным дверям, разместился человек с первого взгляда трудно понимаемой и объяснимой внешностью, – в нём не было тех внешних характерных тому или иному индивидууму законченностей, которые бы могли указать на то, кто он таков (вот и приходилось пока гадать и домысливать), – а напротив него, так уж удивительно вышло, разместилась молодая пара, включавшая в себя молодого человека, безусой наружности и такого же опыта житейской жизни за своей спиной, и прекрасного природного исполнения, молодая в возрасте, но не в мыслях девушка, чьи белые локоны, в купе с её красотой, не одну голову вскружили и вдавили в стул пару десятков людей за соседними столами.

И если это молодая пара не сводила своего взгляда с этого загадочного собеседника, не удосужившегося им представиться по весьма уважительной причине, – он часто не поспешал за самим собой, и часто забывался, не только представиться, но и где вдруг оказывался (вот такой спешный склероз мыслей), – то сам это загадочный человек, помимо того, что поглядывал на своих скорее слушателей, чем собеседников, и притом, чтобы не нарушить душевного равновесия молодого человека, только на молодого человека, и только вскользь на его прекрасную спутницу, объёмно смотрел на всё вокруг.

Ну а загадка этого загадочного человека, заключалась лишь в том, что он не представился (да и, в общем, и не обязан был, по крайней мере, первым представляться), когда заметил этой паре, было начавшей размещаться за этим столом, что он в качестве залога занятости этого столика, оставил на стуле свои перчатки. Что не так и неоспоримо, окажись на месте этого молодого человека, человек более требовательный к такого рода доказательствам. И тогда бы этот требовательный человек, со скепсисом посмотрел на выдвинутые незнакомцем доказательства своей первоочередности и многозначительно задался риторическим вопросом. – Значит, перчатки говорите. – После чего он, со всё тем же заумным видом пустится в глубокомысленные рассуждения. – А разве вы не в курсе того, что перчатки, – не считая бумажника, который часто крадётся, – есть наиболее теряемый предмет человеческого обихода. – Здесь

этот недоверчивый человек, с дальним посылом, – вы ещё не передумали настаивать на этом своём, ничтожном доказательстве, – искоса посмотрит на этого самонадеянного незнакомца и, не заметив в его внешнем облике ни тени раскаяния за свой проступок, продолжит своё разбирательство этого случая.

– Так что, исходя из более чем вероятности и статистических данных об утерях перчаток, вполне можно предположить, что эти перчатки были потеряны, или были забыты не обязательно вами, а они могли спастись и с моей в том числе руки. – Недоверчивый человек смотрит на свои руки без перчаток, что косвенно подтверждает эту его версию о принадлежности перчаток ему, затем поднимает глаза на незнакомца, – ну что, видели мои руки, которые также могут носить эти перчатки, – и продолжает обозначать свою позицию на эти перчатки и место под ними. – И чтобы утверждать то, что это ваши перчатки, надо иметь веские на то основания. А полагаться на одно лишь ваше слово, я считаю верх наивности и легкомыслия. Ведь вы человек для меня незнакомый и вы вполне можете оказаться тем человеком, кто не держит своего слова. Так что, если вы хотите сесть на это место, то я попрошу вас предоставить более убедительные доказательства для этого.

– А если я надену эти перчатки, и они окажутся мне в пору? – заявляет незнакомец, оценивающим взглядом посмотрев на перчатки. Но недоверчивого человека на такой дешёвый понт не взять. И он, в свою очередь, оценочно посмотрев на перчатки, вопросом на вопрос отвечает. – А если в свою очередь я их надену, и они мне окажутся в пору?

– Тогда они будут ваши. – С хитрым прищуром посмотрев на недоверчивого человека, говорит незнакомец.

– Тогда о чём спор, когда мы так друг друга отлично понимаем. Нам всем места хватит за одним столом. – Улыбается в ответ недоверчивый человек, протягивая руку для... или к перч... Но всего этого не произошло, хотя бы по тому, что этот молодой человек не столь недоверчив к людям, хотя бы при волнующих его людях (его спутницы). К тому же у него есть при себе перчатки, что не даёт ему права оспорить принадлежность этих перчаток, лежащих на стуле. А они, как назло, не женские, а то бы тогда была возможность зацепиться за это несоответствие рук незнакомца и женских перчаток – куда ты лезешь своими клешнями в эту женскую утончённость. Хотя руки незнакомца, раз вышел такой спор, с указанием на перчатки, – этой молодой паре рефлексивно пришлось бросить взгляд на руки незнакомца и увидеть, что они были без перчаток, – были по-своему изящно сформированы, и вполне возможно, что им и женские перчатки подошли.

Между тем, это заявление незнакомца, вначале приводит в замешательство эту пару, так заранее о себе не позаботившуюся, – что говорит об их малой опытности, а может они, всего лишь рассеянные, как все молодые пары, только что обретшие друг друга на веки вечные, – с чем они начинают окидывать взглядом столики по сторонам. Но там везде всё занято, а кушать так невероятно хочется, когда сюда проделан такой длинный путь. Ну а что это был за путь и как он был долог и расстоятелен, никто не скажет по всё той же причине – потери своей сообразительности в этой любовной рассеянности.

– Тогда прошу за мой стол. – Говорит этот человек, заметив это затруднение молодой пары. Которая теперь затрудняется по другому поводу – принять это его приглашение или... А и не понятно, что это «или» значит. Что вновь без труда читается этим загадочным, или просто безымянным человеком, в общем, для всех незнакомцем. – Во-первых, я вас не съем, – с лёгкой улыбкой говорит он, – на этот счёт я уже позаботился, – указывает он на принесённый разнос со своим набором блюд, – а во-вторых, я человек не привередливый и всегда готов поделиться с незнакомыми людьми своим преимуществом. – Говорит незнакомец и пристально так смотрит на молодого человека. Ну а тот не может не заинтересоваться словами незнакомца.

– Преимуществом? – с удивлением вопрошает молодой человек.

– Я так называю свою первоочерёдность. – Говорит незнакомец.

– Поясните. – Говорит молодой человек.

– Я думаю, и это факт не оспоримый, несколько опережаю вас в возрастном плане. И это, на каком-то жизненном этапе, даёт мне некоторые преимущества перед вами. Например, мой собственный опыт, несколько больше вашего. И если, к примеру я, по вашей просьбе не отклонюсь от неё и захочу поделиться с вами знаниями, подчёркнутых из моего личного опыта, то этот процесс и будет называться, поделиться с вами своим преимуществом. – Сложив руки в замок, сказал незнакомец.

– А вы интересный человек. – Говорит молодой человек.

– Благодарю за это лестное замечание, кое я сочту за ваше согласие присоединиться ко мне. – Незнакомец подаёт приглашающий к столу ручной знак, и теперь молодая пара уже не может уклониться от приглашения, и по некой инерции, под воздействием притягательной силой пасса руки незнакомца, занимает свои места за столом. Где они не сразу принимаются за свой перекус, а молодой человек считает нужным ещё о чём-нибудь спросить этого их случайного попутчика на этом пути к своей сытости.

– И кто же вы такой на самом деле? – а вот этот вопрос в устах молодого человека, прозвучал более чем неожиданно для его спутницы, удивлённо посмотревшего на него, как впрочем, и для самого него. Но только не для их временного попутчика, соседа за столом.

– Я иллюзионист. – Высыпая из одноразового пакетика сахар в чашку, сказал незнакомец.

– Фокусник что ли? – С прежней бесцеремонностью вопрошает молодой человек.

– Фокусник? Хм, интересно. – С задумчивым видом задался вопросом незнакомец и так хмыкаяще на этот счёт задумался. – Можно и так назвать мой философский род деятельности. Правда, мне не совсем понятен этот ваш скептицизм, прозвучавший в ваших словах. – Говорит незнакомец, замерев в одном положении, с пакетиком в руках. – Вас что-то тревожит, когда вы встречаете фокусников, или здесь присутствует что-то другое? – Вопросил незнакомец и тут же, как будто спохватился, озвучивает то, о чём он только что догадался. – А, я понял! – догадался о чём-то незнакомец. – Вас в своё время обвёл вокруг вашего же пальца мошенник с большой дороги, который проделал такой фокус с вашим кошельком, что вы до сих пор не можете ему простить образовавшуюся дыру в вашем кармане. И в вашем сердце с того времени поселилась обида ко всем без исключения людям непонятного для вас содержания. Это так? – посмотрев на молодого человека пристальным взглядом, к чему присоединилась и спутница молодого человека, задался вопросом незнакомец.

А молодой человек вовсе не обязан ни перед кем отчитываться, особенно и не пойми перед кем. На что он немедленно и указал бы этому приставучему типу, но на него сейчас внимательно смотрит его спутница, и он не имеет права себя так вести.

– Нисколько. – Даёт вот такой ответ молодой человек и добавляет. – А если что-то из такого было, а никто не застрахован от потери своего кошелька, то это будет мне наука на будущее. Нечего всему верить на слово и ещё меньше нужно верить своим глазам.

– И, как я понимаю, то вы ни на шаг не отступаете от этого правила? – задался вопросом незнакомец, в этот момент очень пристрастно посмотрев на спутницу молодого человека. И хорошо, что этого не увидел этот молодой человек, а то у него бы этот взгляд незнакомца, непременно вызвал бы свои вопросы. – Это на что тут намекаете? – А так как всё это прошло мимо него, то он подтвердил это своё утверждение. – Да, это так.

– Ну тогда вы застрахованы от того рода обмана, который несёт в себе искусство иллюзиониста, посредством того же фокуса. И вы мигом меня раскусите, захоти я вас обдурить. Этим же, по вашему устоявшемуся мнению, занимаются все фокусники? – сказал незнакомец, вопросительно посмотрев на молодого человека.

– Вы несколько утрируете мои слова. – Прилично хлебнув из бумажного стаканчика напитка, сказал молодой человек. – А, впрочем, в общих чертах всё верно. В основе любого фокуса всегда лежит обман зрителя, будь этот фокус иллюзорного характера, либо за ним

скрывалось техническое устройство, или же стоит ловкость рук и сноровка фокусника. А уж говорить о манипуляции сознанием зрителя и вовсе не стоит. Вот такой у меня на это ответ. – Отставив стаканчик от себя на стол, более чем самоуверенно говорит молодой человек, уставившись на своего визави, и тут же добавляет. – Но если у вас на этот счёт есть иное мнение, то я ничего не имею против этого.

– Значит обман, говорите. – Размешивая ложечкой чай и, наблюдая за всем этим своим вмешательством в это чайное пространство, задумчиво проговорил незнакомец. – А знаете, какого рода обман наиболее действенен и эффективен в отношении человека, оказавшего в поле целевого зрения фокусника? – задаётся вопросом незнакомец.

– Вам, я думаю, виднее. – Несколько вызывающе говорит молодой человек.

– Самообман. – Переведя свой взгляд на молодого человека, сказал незнакомец. После чего настаёт внимательная друг к другу пауза, где все одновременно смотрят друг на друга (спутница молодого человека тоже принимает участие в этом зрительском действии) и в то же время обзорным взглядом наблюдают за чайной ложкой в руках незнакомца, которая, теперь находясь кверху своей рабочей частью, покручивалась в руке незнакомца.

– Вам виднее. – Разрывает паузу молодой человек.

– Я знаю. И знаете, почему? – спрашивает незнакомец.

– Почему?

– Потому, что я нахожусь со стороны. – Даёт ответ незнакомец. На что вполне логично и возможно, что молодой человек мог бы возмутиться и задать всё тот же, уже один раз не заданный им вопрос: «Это вы на что намекаете?», но незнакомец очень предусмотрителен и он не даёт времени своим оппонентам осмыслить этот свой ответ – он как будто вдруг их спрашивает. – А хотите увидеть фокус... Без обмана?

Что звучит не то чтобы неожиданно, – пожалуй, даже наоборот, что-то такого от него уже ожидалось услышать, – а просто вот это его уточнение: «без обмана», заставило напрячься молодого человека, начавшего одновременно подозревать в каком-то подвохе этого странного типа, и соображать над тем, что тому от них надо.

– Может он свой заказ взял в кредит, – вот только мои друзья подойдут, то я мигом расплачусь, – и сейчас он, объяснив нам, что для демонстрации своего фокуса ему надо выйти, спокойно покинет пределы кафе, указав человеку на раздаче на нас, – вот они за меня, тотчас, по вашему первому требованию, расплатятся. – Так неочевидно и явно нежизнеспособно подумал было молодой человек с первого перепугу. – Нет, это притянута за уши одним неудачным опытом из студенческой жизни. – Отверг первое своё соображение молодой человек. – Тогда быть может, и это более чем наверняка, он попросит у меня самого ничтожного достоинства монету. А я, не заметив подвоха, настоящей цели этой его просьбы, – убедиться в том, что у меня есть кошелёк и сколько в нём наличности, – совсем не опасаясь за то, что он мне эту мелочь не вернёт, – извини друг, фокус не получился, и монета не вернулась из портала будущего, куда я её отправил, – достану кошелёк и тем самым убежду... Хм, или убедю? Ладно, это не важно, когда я, в итоге подловленный в подворотне мошенниками на доверие, буду освобождён от этого кошелька.

Молодой человек тут же с горечью представил себе этот горестный для себя момент, связанный с потерей кошелька, когда он со своей подружкой свернут в один, как им думалось, безлюдный и скромный переулок, – тогда как на поверку оказалось, что он полон приставучих и злых людей, – чтобы там, не вызывая на себя лишних взглядов, предаться своей влюблённости наедине. В общем, хотели в первый раз поцеловаться (А вы что подумали?). К чему уже были все предпосылки и времени для этого достаточно прошло. И поэтому молодой человек свою спутницу сюда, и как вскоре выяснилось, в то же время не сюда завёл.

– Слушай друг. – Обратится ко мне тип в метр в кепке (принялся рассуждать молодой человек). – Я тут обронил кошелёк, ты случаем его не видел?

– Нет, не видел. – Не раздумывая, скажу я, как отрежу. А этот тип метр в кепке и заодно в прыжке, явно рассчитывал на уважение в ответ, а тут такое. И он само собой недоволен этим моим ответом, и перегораживает мне собой путь, чтобы выказать мне претензии. – А чего это ты так быстр на ответ? – принципиально косо разглядывая мою, только мою Анюта, вопрошает меня этот тип.

А я уже начал предчувствовать не доброе. Ведь в таких безлюдных местах, первым делом к тебе подходят с каким-нибудь самым простым вопросом, вот такого невысокого мнения о прохожих, люди метр с кепкой. А как только ты ему в ответ нагрубишь (а ты в любом случае ему нагрубишь, если ты нарываешься на неприятности – а ты на них явно нарываешься, если зашёл сюда, где кроме неприятностей тебя ничего хорошего не ждёт), то сейчас же к нему на помощь бросятся, и не пойми откуда взявшиеся, его рослые и мускулистые товарищи. Которые никогда в обиду не дадут этого мелкого шкета и за него любому пасть порвут, если, конечно, этот любой, человек здравомыслящий, готовый без дополнительных договорённостей, загладить свою вину перед ними небольшим денежным вспоможением.

– Разве я тебе говорил, как отличимо от других кошельков выглядит мой кошелёк? – уставившись на меня, вопрошает этот тип метр с кепкой.

– Не трудно догадаться, отощавши грустно. – Слишком поспешно усмехнулся я про себя, совсем забыв пословицу, а в этих местах походившую за правило: «смеётся тот, кто смеётся последним».

– И как же он выглядит? – интересуюсь я у него, ещё храбрясь, где храбрости мне придаёт в волнении взявшая меня за руку Анята. И вот тут-то меня шкет сумел удивить, описав свой кошелёк в точности как мой – чёрный такой портмоне, с фирменными инициалами на нём: «Сваровский». При этом, когда он описывал свой кошелёк, он не сводил с меня своего всё замечающего взгляда, чтобы значит, подловить меня на моей удивлённой реакции. Но я на этот раз хладнокровен в лице как никогда, чего правда не скажешь о моих руках. Где одна из них, та, за которую держалась Анята, предательски вспотела и Анята, чувствуя, как её рука начала выскользывать из моей руки, вполне могла заподозрить меня в моей не должной смелости.

А тут ещё этот шкет требовательно на меня смотрит и спрашивает. – Ну что, видел такой? – И я бы ему немедленно ответил, что ни разу не видел таких портмоне, и что если увижу, то обязательно ему дам об этом знать, если он оставит мне свой электронный адрес. Но вот незадача, Анята ведь видела мой портмоне, когда я расплачивался за обед в кафе и выходит так, что если так скажу, то я в её глазах прослышу, если и не большим лжецом, то человеком способным на обман, если это будет способствовать достижению некой для меня цели. И тогда, как она сможет в будущем довериться мне, когда я буду заверять её в своих крепких насчёт неё чувствах.

– Извините, но я совсем недавно убедилась в том, что вы готовы на любой обман, если вам это будет выгодно. – Раскрасневшись в лице, отчего Анята станет ещё более прекрасной и желанной, вот прямо так она оттолкнёт мои к ней поползновения. – Так что никаких поцелуев, пока вы меня не переубедите в обратном.

– Но как? – вопрошу я её, растерявшись.

– Вернитесь обратно в тот переулок и исправьте сложившуюся ситуацию, с утраченным к вам доверием. Побейте тех хулиганов и верните назад ваш портмоне, который вы так трусливо отдали этим типам. Тем более я сегодня полностью рассчитывала на вас и мне нечем заплатить за такси. – Отправит меня Анята назад. Так что для того, чтобы не возвращаться назад, мне нужно прямо сейчас расставить все точки над «i».

Но что тогда я должен сказать этому шкету? То, что я видел такого рода портмоне, но в тоже время не видел? Но тогда он, а я в этом почему-то уверен, потребует от меня, показать свой кошелёк, или по крайней мере, вывернуть свои карманы, чтобы он не впал в ошибку по поводу моей честности. – А то знаешь, как бывает, поверишь человеку на слово, а потом

окажется, что он совсем не такой и утаил от тебя в штанах своих брюк то, что полностью опровергает всё ранее им сказанное. – Осуждающе покачает головой шкет, вспомнив такого рода бесчестных людей.

Ну, допустим, я ему покажу свой портмоне, в точь-в-точь похожий под описание его портмоне, то не впадёт ли шкет в другого рода ошибку, посчитав мой портмоне за свой. Я, конечно, не соглашусь с ним, но тогда он вполне резонно потребует от меня доказательств, что это мой портмоне. – Если это твой портмоне, как ты это утверждаешь, то ты безусловно знаешь его содержимое, вплоть до копейки. – Глядя на меня и одновременно на мой портмоне, заявит этот шкет. Ну а я, хоть, и дисциплинирован, и аккуратен в финансовых делах, но не столь скрупулёзен в расчётах и вполне могу ошибиться на мелочь. И я ему говорю. – Это, несомненно, так. Правда, я не исключаю погрешность своего подсчёта на некоторую мелочь.

– Ну, понятно, пошли в ход отговорки. – Примерно с таким посылом на меня посмотрит шкет и, дабы подчеркнуть этот скептицизм на мой счёт, кивнув в мою сторону головой (он этим кивком обращался к Аняте), громко хмыкнет. На что я немедленно вскипел и готов был уже предъявить свои обоснованные претензии к шкету, за такое его непочтительное поведение по отношению к Аняте и ко мне, – что это ещё за намёки? – но он опередил меня, сделав важное заявление.

– А вот я не такой расточительный человек и более бережливо отношусь к тому, что имею. И я сплошь до последней копейки знаю, сколько у меня лежит в кошельке. – Заявляет шкет. И как по мне, то это его заявление крайне спорно, раз он, по его же утверждению, потерял свой кошелёк. А это указывает на то, что он совсем не бережливый человек. Но мне не успева-ется подловить его на этом несоответствии, а всё потому, что он в целях установления истины, предлагает проверить содержимое моего портмоне. И кто из нас значит, будет более точен в указании содержимого портмоне, то тот и есть настоящий хозяин портмоне.

И мне, честно сказать, эта идея шкета по выявлению хозяина моего же портмоне, сразу показалась деструктивной, и меня сразу что-то напрягло в этом его предложении. Но такой уж я человек, что ради выявления истины и тем более справедливости, готов на всякую оплошность и неразумность, как потом это выявляется.

– Идёт. – Говорю я ему, и мы в знак заключения этого договора-пари, жмём руки. Ну а дальше, как выясняется, без вариантов – шкет оказывается хозяином моего портмоне, раз он до копейки знает его содержимое. И мне остаётся шмыгать носом и вытирать рукавом текущие по щекам слёзы, глядя вслед удаляющемуся шкету, ведущему под ручку Аняту.

– Вот и не знала я, какой вы, Порфирий Петрович, дурак. – Как только мой портмоне перекочет в руки шкета, Анята презрительно окинет меня взглядом, и вынесет мне приговор. – И хорошо, что это всё вовремя раскрылось, и вы не успели воспользоваться моими романтическими предубеждениями насчёт вас. И позволь я вам по своей наивности зайти чуть дальше дозволенного людям в дружеских отношениях, то я даже не знаю, как бы я вас тогда назвала. – На этом месте Анята принципиально порывает все связующие нас нити: она вырывает свою руку из моей, и, повернувшись ко мне лицом, вся такая нервная, говорит. – Надеюсь, вы не полный дурак и понимаете, что на этом наше знакомство закончено и прошу вычеркнуть моё имя из контактов вашего телефона.

Ну а я, явно находясь не в себе и растерянности от такого поворота событий, веду себя как последний дурак. – Вот значит как! – Возмущаюсь я. – Без моего портмоне я вам неинтересен и скучен. Что ж, я не удивлён. Я ещё в кафе заметил, как вы расточительны и беспощадны к чужому благосостоянию. Так что я вас не задерживаю, и можете катиться на все четыре стороны, презираемая мной, Анята Ивановна. – На что Анята бледнеет в лице и охрипшим голосом говорит. – Вот не ожидала, что вы такой придиричивый и мелочный человек. И знаете что! – многозначительно заявляет она, покосившись взглядом на шкета. – Я покачусь, как вы

мне советуете. И не одна покачусь по наклонной, а с этим шкетом. – И на этих словах Анюта к моему изумлению подзывает к себе шкета. – Эй, как там тебя. Возьмёшь меня на поруки?

А шкет только рад быть полезным в таком, сулящем ему столько всего деле. – Я, – говорит он, – к вашим услугам. – И подставляет руку. А Анюта берёт её, после чего бросает на меня презрительный взгляд и, фыркнув в мою сторону, выдвигается со шкетом в глубину этого проулка. Ну а чтобы я окончательно был уничтожен, она громким голосом вздыхает. – Как давно я не целовалась. – И она добивается своей цели, я пал на колени и, глядя им вслед, в отчаянии и кричу:

– Чёрт тебя, Анюта Ивановна, побрал!

Молодой человек, как сейчас выяснилось посредством разговорчивости Анюты Ивановны, имеющего имя Порфирий Петрович, прокрутив в уме эту ситуацию, решил, что если этот незнакомец для своего фокуса затребует от него монету, то он её ему, конечно, даст, но только он свой портмоне вытащит незаметно для него и будет извлекать из него монеты, держа его под столом, подальше от глаз этого типа. Чтобы он не сумел сосчитать содержимое его портмоне, а затем посредством телефонной связи сообщить своим сообщникам обо всём им замеченном в моём кошельке, – сейчас в вашу сторону направится один лопух со вкусной гражданкой, у него есть то, что нас интересует.

– Если вам так этого хочется, то мы не против. – Порфирий Петрович даёт ни к чему для себя не обязывающий, но в тоже время обязывающий собеседника, как минимум, не выказать себя пустым человеком, ответ. Ну и незнакомец, ожидаемо Порфирием Петровичем, в быту всё же называемый Пашкой (а то, что он так представительно был представлен, то во всём виновата Анюта Ивановна – она когда гневается, то не знает, что несёт и не всегда знает, как побольней убедить своего, даже очень хорошего, с планами на будущее знакомого, в том, что он ей безразличен), начинает заговаривать им зубы так называемой теорией фокуса, типа без знания которой, они не уловят смысл представленного фокуса.

– Ну-ну, конечно. – Многозначительно покивал незнакомцу Пашка, решив, что тому не получится его провести, ну а для этого нужно быть повнимательней к этому типу. А то он знает из кино таких скользких и мало понятных типов, которые обещают одно, а в итоге от них не дождёшься и обещанного.

– Надо с ним поосторожней, – глядя на незнакомца, подумал Пашка, – и главное, всегда держать в поле зрения его руки. Вон какие они у него холёные и даже с маникюром. Явно они для него представляют большую ценность, как в первую очередь источник поступления благосостояния.

Незнакомец видно предпочёл не замечать нового проявления скептицизма со стороны Пашки, – он его уже записал в скептики, и принимал это его качество за его данность, – и, положив чайную ложку на стол, рядом со своей чашкой, откинулся на спинку стула и с этого своего нового местоположения выразительно посмотрел на своих визави. После чего он подошел к столу, как прилежный ученик сложил перед собой руки на стол и завёл свой рассказ.

– Есть четыре основных слагаемых успеха фокуса, – одновременно глядя на Пашку и не на него, а куда-то сквозь него, в незримую даль, где может в этот момент совершался некий фокус, или может быть, шла к нему подготовка, заговорил незнакомец, – это вовлечённость в процесс зрителя, с его уверованием в собственную проницательность, акцентирование внимания зрителя на отвлечённый предмет, напускной туман, с его незримой загадкой и всё это обгорожено стеной непроницаемости. Где стена должна создать некий вакуум мысли, – всё сконцентрировано на проведении фокуса, – чтобы ничто со стороны не могло проникнуть сквозь стену и отвлечь участников этого представления от происходящего на сцене. И обеспечьте мне выполнение этих основных условий, и я переверну с ног на голову мир человека, а может и весь человеческий мир. – С каким-то прямо пугающим воодушевлением сказал это своё итоговое предложение незнакомец, – при этом он ни насколько не изменил тембр своего голоса, –

что Пашка, не говоря уже об Анюте, натуре более утончённой и чувствительной, нежели он, несколько напугался этого человека, со столь странными желаниями. Но как бы Пашка не был напуган этим странным незнакомцем, он не показывает виду, что это так, и он даже храбрится, задавая вопрос.

– И для чего этого нужно? – интересуется Пашка, решив повременить с гамбургером.

– Что именно? – переспрашивает незнакомец.

– Ставить всё с ног на голову в жизни человека? – уточняет Пашка.

– Может этот взгляд на мир для человека более правильный. – Отвечает незнакомец. – Ведь пока не проверишь, не узнаешь.

– Не пробовал, не знаю. – В пику незнакомцу, отвечает Пашка.

– Тогда сам бог велел, продемонстрировать вам фокус. – С долей радости в лице сказал незнакомец. А Пашка не может сдержаться и не подковырнуть незнакомца. – Это ваш ассистент, или антрепренёр? – интересуется Пашка. Но незнакомца не сбить на такую мелочь. – Наверное, помощник, раз к нему часто приходится обращаться за помощью. – Говорит незнакомец вскользь, и как бы начинает сосредотачивать в себе внимание к себе и к предстоящему представлению. – Так, с чего начнём. – Оглядев стол перед собой, потирая руки, таким способом начал настраивать себя незнакомец.

– Вам, я думаю, виднее. – Не может промолчать Пашка. Незнакомец не обращает внимания на этот его выпад, а протянув руку к своей чайной ложке, берёт её в руки и, приподняв её перед собой, начинает, покручивая её вокруг своей оси, рассматривать её рабочую поверхность. Куда с противоположной от него стороны смотрят Анюта с Пашкой. Незнакомец в один из моментов останавливает ложку и, посмотрев сквозь неё, а вернее будет сказать, обогнув её со всех сторон своим направленным взглядом, смотрит на своих соседей по столу и говорит. – Сгибать ложку силой своей мысли, я, пожалуй, пока не буду. Ещё не время. И я её пока в сторонке подержу. – После чего незнакомец со словами: «Для чистоты фокуса, руки всегда должны находиться на виду», отводит в сторону свою левую руку с ложкой в ней. – Вот здесь ей самое место. – Закрепив руку с ложкой в ней на месте, сказал Незнакомец, вслед за этим переводит свой взгляд на Пашку и теперь смотрит строго на него, уже без всякого препятствия на своём пути.

– Если вас это не затруднит, – обращается к Пашке незнакомец, – положите любую на ваш выбор руку на стол, открытой ладонью вверх. – Пашка для начала смотрит на свои руки, затем взглядом обращается за помощью к Анюте, имеющей право совещательного голоса, и, не получив от неё запрета на этот, возможно опасный и связанный с жизнью трюк со своей рукой (а вдруг этот тип сейчас закинет на его ладонь жгучего скорпиона – а в этом и будет состоять его фокус: тараканы, всегда платившие за его обед, все из карманов разбежались, вот он и разозлился, решив использовать скорпиона, чтобы нанести вред репутации этого заведения – а Пашка всего лишь сопутствующая жертва его мстительности), вздохнув, кладёт на стол перед собой правую руку.

– Прекрасно. – Посмотрев на руку, а затем на Пашку, как Пашке показалось, плотоядным взглядом, проговорил незнакомец. После чего незнакомец лезет во внутренний карман своего пиджака, – на этом моменте Пашка напрягся и даже слегка зажмурил глаза, в ожидании шипящего скорпиона, – и вынимает оттуда... Сразу и не разглядеть, так вынутая им вещь мала, что за предмет округлой формы. На который теперь обращено всё внимание сидящих людей за столом, где только один человек, и кто это, совсем не трудно догадаться, не задаётся вопросом: Что это?

– Вроде простой, самый обыкновенный шарик, а сейчас вызывает столько к себе внимания и вопросов, стоило мне придать ему, даже и не озвученное мной значение. – Искоса смотря на своих визави, в глазах которых стояло нескрываемое любопытство, взялся за своё объяснение незнакомец. – А ведь быть может, в нём никакой загадки и нет. Это простая бусинка

от детского ожерелья, которые так недолговечны, и в руках ребёнка имеет больше ценности в разобранном состоянии. А я вот, собираясь сегодня выйти прогуляться, – мне настоятельно рекомендовали врачи прогулки на свежем воздухе, – чуть было не налетел на вырванную из своего первоначального контекста, ожерелья, эту бусинку. И если бы я её вовремя не заметил, то я, наверное, прямо там, у себя в прихожей, смог познать мир, не просто с перевёрнутого положения (нет ничего легче, встать на голову и посмотреть на мир в перевёрнутом положении), а у меня бы все акценты и значения в голове в один момент сместились в другую сторону, – я бы понял ценность жизни и стал бы её не проживать, а ценя каждый её миг, чувствовать свою жизнь, – и я с новым взглядом посмотрел на свою, как оказывается, совсем не серую жизнь. – Незнакомец сделал необходимую ему и всем паузу, чтобы закрепить в своей памяти тот знаковый и во многом мог бы стать переломным момент, когда незнакомец чуть не наступил на эту бусинку и не полетел затылком об пол.

– Но судьба на мой счёт имела другие планы и распорядилась так, что я её обнаружил, прежде чем на неё наскочил. – Сказал незнакомец, как только посчитал, что все поняли ту мысль, которую он хотел довести до всех. – И вот она здесь, перед вами, и мне кажется, что совсем не случайно. А так я вообще, сторонник того, что случайных вещей не бывает, и если мне на глаза попалась эта, вроде совсем уж мелочь, то это что-то, да должно значить. И как оказывается, то и для неё существует своё знаковое предназначение. – Сказал незнакомец, многозначительно посмотрев на Пашку, которого вся эта таинственность на свой счёт начала напрягать.

– И что он там ещё задумал? – еле сдерживая волнение, спросил себя Пашка, с ненавистью глядя на эту бусинку в руках незнакомца.

А незнакомец тем временем продолжает свои рассуждения, которые видимо должны затуманить собой мысли, как минимум Пашки, того, кто выступает в качестве испытуемого, и на первое время отвлечь от главного трюка – незнакомец в это время, под столом, изловчившись ногами, проводит хитрые манипуляции с их обувью. Он завязывает шнурки на их обуви между собой. И вот когда его трюк за столом будет в самом разгаре, то незнакомец потребует от них встать на ноги.

– Я должен произнести способствующее выполнению фокуса заклинание. – Напустив на себя загадочности и важности, а на Пашку с Анютой тумана в виде сигаретного дыма (он в специальных типа целях закурит, хотя у Пашки на этот счёт другое мнение – наглец из наглецов этот фокусник, под видом демонстрации фокуса, решивший покурить за их счёт, не выходя из зала кафе; а все между прочим ругаются), заявит незнакомец. – А это заклинание не из простых, а из тех, за которыми охотятся люди с задатками магов. И если кто-то из них об этом прознает, то совсем не исключено, что у них непременно возникнут вопроса требовательного характера к вам. Так что попрошу вас встать на ноги, чтобы отдалиться от произносимых мной магических слов. Но Пашка этого фокусника уже на половину раскусил, и он не спешит по первому его слову бежать и выполнять его поручения.

– Что-то у меня все эти ваши фокусы вызывают большое сомнение. – Заявил Пашка, крепясь в своих заслезившихся от терпкого дыма глазах, который на него напускал незнакомец. Но Пашка держался и не сводил с него своего взгляда. – И что будет, если я отвечу отказом на ваше предложение? – с явным вызовом вопрошает Пашка. Но незнакомец и бровью не повёл в ответ на эту выходку Пашки. И он только передвинул сигарету из одного уголка рта в другой и небрежным тоном говорит.

– Что ж, это ваш выбор. Я всего лишь хотел вас оградить от сложного характера последствий, которые непременно для вас настанут, если вы услышите это моё заклинание. – На этом моменте незнакомец пододвигает в упор к столу и с позывом на откровенность, тихо говорит Пашке. – Вы по приходу сюда, не заметили сидящих за третьим от входа столиком, типов угрожающего вида? – И как выясняется, то, и Пашка, и побледневшая в лице Анюта, ухватившаяся

за его руку, не только заметили этих жутких типов, но и сделали на их счёт некоторые выводы, не сложные для понимания людьми, скажем так, не слишком отважных.

– Так вот, – продолжает незнакомец, как только убеждается в том, что его слова нашли отклик в душах своих слушателей, – это Валтасар со своим помощником. А кем по сути является Валтасар, то об этом лучше не знать людям смертным. – Зловеще и так страшно сказал это незнакомец, что Анята, всё это время молчавшая, за что она заслужила уважение в глазах незнакомца, в нервном возбуждении не сдержалась и попросила незнакомца об этом не говорить, раз этот Валтасар столь предубеждён против людей смертных. После чего она крепко так смотрит на Пашку, – а он чуть ранее уже понял, как она относится к этому его упрямству и проявлению ребячества: она ещё крепко так ущипнула его за руку, – и пока по-хорошему, как это все поняли, ему говорит.

– Вы, Порфирий Петрович, давайте уж, не выделывайтесь так (это уж потом, когда большой опасности для нас не будет, я от вас ожидаю такого рода отношения в мою сторону), и слушайте то, что вам люди умные говорят. – Тонем голоса, не терпящего возражений, проговорила Анята. И Пашка не может ей ни в чём отказать, а тем более перечить на этом тёплом этапе их отношений. Но при этом он и показывать себя совсем ручным не имеет права, и он должен хотя бы продемонстрировать борьбу в лице, где в нём борется долг перед своей прекрасной спутницей и его мужественность, для которой все эти Валтасары и другого рода бандитские рожи, не представляют особой проблемы.

– Я бы им всем сказал, где я их всех вертел. – Заявил бы Пашка. – Но здесь присутствуют дамы чувствительного возраста и характера, у которых и головы могут закружиться, услышь они эти мои позволения в адрес этих морд, так что я умолчу эти заслуженные в их адрес формулировки.

Но Пашка живёт не одним днём и он, как минимум, заглядывает в завтра, которое будет его радовать, если он послушается совета Аняты, и он всё это не заявляет, а он со смиренным, но не смирившимся взглядом смотрит на незнакомца. А тот, больше не желая тратить время на все эти препирания, в один выдох и при этом очень жёстко, отдаёт команду: «А ну, подьём!». И Пашка с Анятой, явно захваченные врасплох такой неожиданной переменой в незнакомце, подскакивают на ноги и тут же соскакивают со своих связанных ног, и вместе со своими стульями, за спинки которых они успели ухватиться, к полнейшему восхищению местной публики, кубарем летят на пол.

Пашка, предчувствуя возможность незнакомца быть таким вероломным и подлым на свой счёт, раздвигает свои ноги в разные стороны, чтобы значит, проверить, не успел ли он там, под столом, осуществить нечто такое, с завязыванием шнурков. Но ноги вроде как без всякого натяжения свободно переместились, и с этой стороны Пашка может быть пока спокоен.

Незнакомец между тем, для лучшего рассмотрения своими собеседниками, приподнял эту стеклянную бусинку в своей руке, – она держалась большим и указательным пальцами руки, – и, глядя на неё, продолжил своё описание этого предмета. – А что она есть по своей сути. Для нас, людей прагматичных и рассудительных, дешёвый аксессуар чьей-то дешёвой жизни, тогда как для человечка, только начавшего свой жизненный путь, живущего фантазиями и мечтами, который и не знает, что такое будущее, – для него есть только, здесь и сейчас, – это не просто прозрачный кругляшек, а это концентратор всех этих его мыслей – того, что называется мыслями. – Здесь незнакомец вновь задумался, оперевшись взглядом в бусинку. Из чего он выходит опять вдруг и с обновлённым воодушевлением лицом.

– Значит, фокусник. – Глядя с улыбкой на Пашку через фокус бусинки, задумчиво сказал незнакомец. – А знаете, что этот ваш взгляд на меня, по своей сути означает? – этот вопрос незнакомца явно был риторического свойства, так что Пашка не стал на него отвечать. Что, в общем, так и было, и незнакомец сам и ответил на этот свой вопрос. – А это значит, что вы скорей реалист, чем кто-то ещё.

– И разве это плохо? – поинтересовался Пашка.

– Нисколько, просто вы иначе смотрите на мир, чем я, иллюзионист. – Незнакомец сделал явный акцент на слове иллюзионист. И видя, что это требует своих пояснений, пустился в них. – Я не в простом, реалистичном значении иллюзионист, а я, скажем так, смотрю на мир с иной позиции. И мой взгляд на мир противопоставляется вашему, называемым реализмом, тем, что я объясняю представившиеся явления с иной точки зрения. Да, несколько непонятно. – Сделал оговорку незнакомец, немного подумал и вновь взял слово. – Для должного понимания разницы между этими двумя взглядами на мир, я приведу вам аналогию. Так, когда человек наблюдает фокус, допустим, с извлечением кроликов из шляпы, то если он склонен считать, что кролики действительно находились в шляпе до их извлечения – то такой подход есть «реализм» в отношении данного фокуса. Если же человек склонен считать наблюдаемое вводящей в заблуждение иллюзией, то есть считать, что на самом деле это некий фокус, трюк, искажающий картину действительности так, что кажется, будто кролики находились в шляпе до извлечения – то такой подход есть «иллюзионизм» в отношении данного фокуса. – Незнакомец делает небольшую паузу и обращается с вопросом к Пашке: Ну так что, будем извлекать наших кроликов?

А тот вроде как уже дал добро на это, положив свою руку на стол, и этот вопрос незнакомца им не понимаем, и он его несколько сбивает. – Какие ещё к чёрту кролики? – в недоумении задаётся вопросом Пашка, окинув обзорным зрением ближайшую округу. Но на этом всё, и видимо незнакомец, посчитав, что он всё что нужно для понимания демонстрируемого им фокуса сказал, приступает к самому фокусу. Хотя он также сказал, что он не совсем фокусник, и тогда как его понимать? А понимать так, как понимает всё это Пашка. – Он специально напускает всего этого тумана со своей не должной классификацией, чтобы, либо задурить нам голову для проведения своего фокуса (он об этом, кстати, уже говорил), либо на случай неудачи, иметь отговорку: я ведь не настоящий фокусник, а я только учусь. А то, что он назвал себя иллюзионист, то в моём значении, это иллюзорный фокусник. Вот такой я на его счёт реалист. – Умозаключает Пашка на его счёт.

– А теперь обратите всё своё внимание к этому шарик. – Обращается к Пашке незнакомец, заставив его всё-таки сконцентрировать своё внимание на этой бусинке. – Зафиксируйте на нём ваш взгляд и, постарайтесь удерживать его на нём, ни на что не отвлекаясь. – Говорит незнакомец, и как будто специально (не как будто, а специально), начинает водить шарик из стороны в сторону, а Пашка значит, должен следовать за ним своим взглядом. Но вот незнакомец, убедившись, что Пашка послушен и удерживаем шариком, фиксирует его в одном положении и кладёт шарик на ладонь руки Пашки. Где он прижимает шарик указательным пальцем руки и в таком положении держит его.

– Для удобства назовём его синицей в руках. – Говорит незнакомец, бросив быстрый взгляд на Анюту. Которая хоть и была также внимательна к шарик. в руке Пашки, всё же от неё не укрылся этот взгляд любопытства незнакомца. И только Пашка ничего вокруг себя не видел, кроме этого шарика, а точнее, того, что ему открывалось из-под указательного пальца незнакомца.

– И что б она (синица) раньше времени не улетела, то слегка её прижмём. – Говорит незнакомец, надавив своим пальцем на шарик и руку Пашки под ним. – А рука-то сама рефлекторно сжимается, боясь выпустить из руки синицу. – Усмехается незнакомец, посмотрев на Пашку. Но Пашка уже просёк, для чего всё это говорит незнакомец. Хочет гад, отвлечь его этими разговорами от шарика. А как только он оторвёт свой взгляд от него, то тут-то он шарик и вытянет. – Хрен тебе! – мысленно послав этого псевдо фокусника, Пашка ещё больше укрепился в желании ничего не упускать из виду. При этом Пашка не сомневается в том, что этот псевдо фокусник ни перед чем не остановится, чтобы его отвлечь от своего наблюдения за шариком.

– И унижающие моё человеческое достоинство, низкопробные шутки паскудного качества, это самое малое, что он применит против меня. – Пашка похолодел в сердце, представив, на что и на какую фривольность по отношению к его и только его Анюте, готов этот псевдо фокусник, чтобы отвести его внимание от шарика.

– Вы, Порфирий Петрович, уж не обессудьте, – вот с таким хамским заявлением обратится незнакомец к Пашке, чтобы значит, отвлечь его от шарика, – но ваша занятость только собой, не способствует радости существования, теперь уж и не знаю, чьей Анюте. Которая своими чудными ножками подаёт мне недвусмысленные знаки под столом. И если вы мне не верите на слово, – в чём я вас не осуждаю, я ведь для вас совершенно посторонний человек, – то на секунду отвлекитесь от этого вашего занятия и загляните под стол. Где вы немедленно убедитесь в факте того, как она своими ножками трётся о мои, для того чтобы разжечь во мне огонь страсти.

– А как только я буду сбит с мысли этими пикантного характера заверениями незнакомца, и на один только миг оставлю без присмотра шарик и загляну под стол, где ничего такого, о чём он меня тут заверял, и нет в помине, – все ноги под столом, кроме только моих, чинно себя ведут и расставлены по своим местам, кто в ботинки, а кто в свои изящные туфельки, – то по возвращению меня из под стола, не только шарика уже не будет, а и моя рука пропала со стола. – Пашка, взмокнув, аж потемнел в лице от такой коварной сущности этого подлеца из подлецов, псевдо фокусника. – Так вот почему он так нервно реагировал, когда я его занятие назвал обманом честных, как я людей. Не любит слышать правду, и притом вообще. Он ведь привык жить в атмосфере лжи и обмана, которую он называет так политкорректно, иллюзорностью, и его прямо трясёт, когда он слышит правду. Вот эти современные иллюзионисты, в которые в основном подались все неудачники, критики системы природного существования в режиме реального времени, которое они называют режимом бога, мизантропы, эти не любители всего и вся, и главное себя, но с креативным мышлением, и придумали для себя новый вымышленный мир, где они начали всё переиначивать под собственные реалии, создавая, так называемую, новую нормальность. – Наконец, разобрался в истинной сущности незнакомца Пашка, решив до конца держаться, как бы ему не было сейчас тошно, и что бы не предпринял сейчас этот подлый псевдо фокусник, – и только пусть попробует распустить ноги! (руки псевдо фокусника были на виду и это немного успокаивало).

И только Пашка так категорично для себя подумал насчёт псевдо фокусника, как этот его коварный оппонент, обращается к нему. И не просто с самым простым вопросом, что по факту сейчас происходящего невозможно, – во время проведения фокуса, всё имеет своё скрытое от глаз значение и шифрованный подтекст, – а как сразу решил Пашка, он хочет этим вопросом сбить его с мысли и нарушить работу мозга. А вот какую, то это после озвучивания самого вопроса будет легко выяснить.

– Чувствуешь шарик? – обращается к Пашке с вопросом незнакомец, глядя ему глаза в глаза, и, в тоже время продолжая давить пальцем руки на шарик в Пашкиной руке. И только незнакомец задал этот вопрос, как Пашка вдруг почувствовал, что он перестал чувствовать рукой шарик – он чувствовал только давление на руку пальца руки незнакомца и больше ничего. И Пашка, сам того не желая, выдал себя перед незнакомцем, побледнев в лице. При этом его взгляд не выдержал долгого внимательного напряжения к шарик, и Пашка был вынужден моргнуть. А как только он проморгался, то он покрылся мурашками, обнаружив, что он вроде как проморгал и шарик – теперь то, что находилось под пальцем руки псевдо фокусника, не выделялось отчётливо и сливалось с видом его руки. Но всё же это ещё не значило, что там шарика нет. Он ведь был прозрачный и очень мал, так что утверждать, что его там нет, то этого от Пашки не дождёшься.

И Пашка, мобилизовав все свои силы, всё также смотря на руку с шариком в ней, твёрдо стоит на своём. – Чувствую.

И сейчас со стороны незнакомца, как этого ожидал Пашка, должен последовать хитрый словесный манёвр, с помощью которого Пашка будет отвлечён от своего наблюдения, и незнакомец сумеет выкрасть шарик с его руки. И он действительно последовал, но только не так, как того мог ожидать Пашка.

А как только Пашка даёт свой ответ незнакомцу, который собрался было что-то там у себя в голове в ответ сообразить, как вдруг, да так для всех за их столом неожиданно, из-за спины Пашки, а значит и Анюты, доносится такого сногшибательного звука грохот, что Пашка и Анюта, от этой неожиданности рефлекторно поджались головами к плечам и даже на мгновение зажмурились. Когда первая оторопеть прошла, и они свои глаза приоткрыли (Пашка это сделал куда как быстрее), то они, и сами не знают почему, не стали оборачиваться назад, чтобы убедиться в том, что это потолок сверху обвалился, а они со всем своим пристальным вниманием посмотрели на незнакомца.

А тот, как будто он с ними продолжает играть только ему известную игру, с нервным придыханием, не отрываясь, смотрит им за спины и тем самым привораживает их взгляды к нему. Где им бесконечно хочется его спросить о том, что он там сейчас увидел, но они не решаются об этом спросить, чувствуя нервными окончаниями на своих спинах, приближение к ним этого, судя по шагам, тяжёлого нечто. И теперь все за столом, включая и незнакомца, который находится в более выигрышной ситуации по сравнению со своими визави – он может видеть того, кто сейчас приближается к столу (а ранее он видел, что послужило причиной этому грохоту за их спиной), – ждут, не дождутся, на чём остановится этот тяжёлый ход неизвестного человека.

И вот, как спиной почувствовали Пашка и Анюта, а незнакомец увидел, этот человек, тяжёлый на подъём (как по отдельным звукам удалось выяснить, то он, прежде чем сюда пойти, откуда-то тяжело поднимался – об этом говорило то, с каким усилием он матерными словами выражался), да и шаг у него был не легче, остановился прямо за спиной Пашки. И Пашка несколько не удивлён этому – нельзя, конечно, сказать, что он хотел бы, чтобы тот тип выбрал для себя спину Анюты, но это не значит, что он остался довольным этим выбором своей спины человеком из-за спины. Дальше следует интригующая всех пауза, по мере удлинения которой, напряжение в лицах Пашки и Анюты нарастает, готовых уже взорваться, не будь им так страшно.

Ну а дальше, как это всегда и бывает, в самый неожиданный для Пашки момент, ему на плечо ложится столь тяжеленная рука, что Пашка подгибается в плече под её весом (скорей всего, хозяин этой руки всем своим весом облокотился на неё, вот она и показалась такая тяжёлой), и со стороны левого уха Пашки тяжёлым голосом звучит вопрос: Как это всё понимать?

И Пашке очень страшно и странно слышать в свой адрес подобный вопрос от человека стоящего к нему со спины, когда он находится спиной ко всему произошедшему там, за его спиной – а такое его нахождение к тому событию, которое только что произошло у всех на глазах, а к нему спиной, прямо указывает на его непричастность ко всему произошедшему. И тогда какого(!) значит спрашивать с него что-либо. – Если, конечно, этот потерпевший из той породы людей, кто не отважен, и что уж стесняться, труслив. И он верно там, по собственной вине и почину упал, поскользнувшись на кем-то пролитом кофе. И чтобы не выглядеть посмешищем в чужих глазах, боясь обвинить в этом проступке кого-то напрямую, нашёл выход из этого положения, обнаружив мою спину. Мол, она спина на то и спина, чтобы не быть в курсе произошедшего. Так что ей, что только хочешь можно предъявлять к ответу. – Быстро в уме сообразил Пашка насчёт заспинного гостя и, благоразумно посчитав не спешить одёргивать руку и в претензии этого типа за спиной, косится взглядом на Анюту.

А Анюта в отличие от него, имела шейное пространство для манёвра. Чем она и воспользовалась, чуть повернувшись назад, чтобы разглядеть того, кто так бесцеремонно использовал плечо Пашки для своего облокочения. И только Пашка покосился на Анюту, как одного

взгляда на неё ему хватило, чтобы понять, как его дела удручающе плохи, и как он был не прав в своём размышлении по поводу этого тяжёлого человека. И теперь Пашка не знал, что дальше думать и в чём искать для себя спасение.

Но он не успел впасть в полное отчаяние, и этому способствовал, как это не удивительно звучит, тот подошедший к нему человек. И тут, как Пашка краем глаза видит, то сбоку от него появляется могучая рука этого тяжёлого человека и она протягивается к столу, где и опускается рядом с его рукой. Здесь она на мгновение задерживается, чтобы что-то из себя выложить, – она столь большая, что не видно, что в ней находится, – и затем возвращается обратно за спину Пашки. Но это момента её ухода Пашка уже не видел, а всё потому, что он как и все за столом, а также люди за соседними столами (им для этого пришлось привстать и вытянуть свои шеи), не отрываясь смотрели в одну точку на столе – на точно такую же бусинку, какую перед началом своего фокуса демонстрировал незнакомец, и которая по сути сейчас должна или ещё находится на ладони Пашки, прижатая указательным пальцем руки незнакомца.

– Я хочу услышать объяснение, что всё это значит? – прямо в пятки вдавливая Пашку звуком своего тяжелого голоса тот тип за его спиной. И как уже догадливо понял Пашка, это тот самый Валтасар, которым его пугал в мыслях незнакомец, этот не просто псевдо фокусник, а главарь целой банды. И если его подручные так ужасающе страшны, то какова изнанка самого псевдо фокусника, если он у них главарь?

Но не это сейчас больше всего волнует Пашку. Ему, несмотря на всю сложность и жуткость своего положения, до нестерпения хочется знать, находится ли сейчас в его руке шарик, или всё-таки псевдо фокуснику удалось его отвлечь и, вынув из руки шарик, катнув его по полу, переместить его своему сообщнику, этому Валтасару. Который там, за спиной, инсценировал падение, где и подхватил шарик с пола, чтобы его предьявить в качестве доказательства... успешности фокуса. – Так вот когда псевдо фокусник вынул шарик, я ведь отвлёкся в этот момент. – Догадался Пашка. – И только уж после, псевдо фокусник подкатил Валтасару шарик.

Но Пашке, несмотря на всю логичность всего им представленного, не хотелось верить, что шарика в его руке сейчас нет. И ему не хотелось в это верить не потому, что он не хотел быть тем, кого, несмотря на всё его старание, сумели провести, а он к полной для себя неожиданности, вдруг осознал довольно необычную для себя вещь – он был бы не против, если бы его провели, но только в том случае, если бы демонстрируемый ему фокус, не был построен на ловкости рук фокусника и манипуляции сознанием выбранного для испытания зрителя, а в нём было хоть что-то от магического и загадочного.

– И в чём на самом деле фокус? – охрипшим голосом обратился к незнакомцу с серьёзным лицом Пашка.

– Фокус? – повторил вопрос незнакомец, глядя на Пашку, после чего он переводит свой взгляд на свою левую руку с согнувшейся ложкой в ней, здесь он на мгновение задерживает свой взгляд на ложке, затем возвращается к Пашке и говорит:

– Раз ты задал этот вопрос, то ты уже знаешь на него ответ. – С чем он отрывает свой палец от руки Пашки. Но что в ней находилось или не находилось, никому не удалось узнать – ладонь Пашки в тот же момент захлопывается и не выпускает на волю свою «синицу». – А без синицы в руке, не быть и журавлю в небе. – Уже позже, по выходу из кафе, уклончиво ответил Аняте на вопрос о шарике в руке Пашка, блуждая по коридорам своего сознания и, не замечая никого вокруг.

История первая. Исчезнувший.

Глава 1

Исчезнувший!? Первые поветрия, намётки и домысливаемые указания в эту сторону.

Прежде чем дать на что-то ответ, как бы ни странно это не звучало, нужно задаться по этому поводу вопросом (самому, или со стороны, суть не важно). И чем глубинней и содержательней будет задан и прозвучит этот вопрос, тем обширней будет получен на него ответ. А если учитывать так же то, что наиболее содержательней и многозначно что ли, звучат именно вопросы в виде ответа на заданный вопрос, короче, вопрос на вопрос (вот такой парадоксальный казус в этом вопросительном деле), то будет лучше, если этот ваш ответный вопрос будет содержать в себе некую загадку. Например, связанную с исчезновением какого-либо лица.

И, пожалуй, происшествие под названием «исчезновение» и всё что с ним связано, как раз наиболее всего отвечает задаче задать такой, информационного характера вопрос (он включает в себя множество интересующих тебя ответов). И само это исчезновение из всего множества загадок и тайн, подспудно содержательней, чем даже самая непростая головоломка, и оно включает в себя множество глубинного подтекста, семейных и коммерческих секретов, и тайн со своими логическими и нелогическими цепочками. Особенно в том случае, если ничего ранее не предвещало этого события, и оно никак и ничем не было обставлено заранее.

Ну а то, что некоторые поступки пропавшего без оговорок (но только уже опосля) исчезнувшего человека, предшествующие его исчезновению, после их должного и с копанием осмысления по следам этого события, начали принимать знаковое значение, то это всё психология тех людей, кто оказался перед фактом этого исчезновения с другой, озадаченной стороны – им ведь нужно на что-то опираться в объяснении этого невероятного поступка. Так что самые обыденные и ничего каждый день незначащие поступки пропавшего человека, в свете этих новых событий начинают не так просто и обычно видеться, а они, эти поступки, приобретают тайный подтекст и смысл. И если вам удастся его прочесть, как вам это кажется, то вы сможете в итоге разгадать загадку этого исчезновения, кем-то любимого, кем-то ненавидимого, а для большей части людей, незнакомого и хрен на него человека.

Так что, когда Клава, ничем особым, кроме своей улыбчивой миловидности непримечательная девушка и в том числе новобрачная особа (правда с натяжкой в прошедшие с этого события полгода), даже не сверяясь с часами на стене, интуитивно вначале почувствовав, что что-то сейчас не так, а затем убедилась в этом не так, посмотрев на входную дверь, которая должна быть уже давно открыта её новобрачным (с той же полугодовой натяжкой, если он ничего не скрывает), пришедшим с работы, то она на тот момент не придавала какого-то особенного значения этой задержке своего супруга с работы. Объясняя это тем, что он хоть и обещал ей сегодня не задерживаться, и быть дома немедленно, как только освободится, всё-таки так говорить было несколько преждевременно и самонадеянно, когда сегодня идёшь на новую для тебя работу в первый день. А там всякое может произойти и случится, тем более, когда рабочий день не слишком нормирован.

И выходит так, что Клава имела все основания не сильно переживать за некоторую задержку своего столь много и поспешно обещающего супруга, который, конечно, всем собой стремился выполнить своё обещание и поспеть домой к обозначенному собой же часу, но непредвиденные им обстоятельства жизни уж так сложились, что он ими пренебречь не смог и должен был следовать устоявшейся в веках традиции, во всём слушать своего наставника, который в соответствии с этими вековыми традициями и своим наставничеством понял Клавдия (вот такая уж ирония жизни, так звали супруга Клавды) и после трудов праведных на благо

человечества, так он, как и всякий наставник обозначал своё место работы, отвёл того в самый уютный погребок, где они бы могли передохнуть от всё тех же трудов праведных. Ну и заодно найти общий язык под бутылку крепкого напитка, который должен будет Клавдием проставлен.

– Ладно, знала на что шла, когда во всём с ним соглашалась. – С лёгкой укоризной Клава посмотрела вначале на входную дверь, а затем перевела свой взгляд на диван в гостиной, куда сегодня свой нестройный, а может и вовсе безобразный ход направит её супруг Тёзка, так она его называла, когда она на него серчала немного, ну и когда ей хотелось его позлить.

На чём Клава успокоилась и больше особого внимания не обращала на часы и на телефон, после того, как он разок её отвлек на себя, прозвонив с ожидаемого ей номера, а вот о чём он говорил с трудом распознаваемым голосом Тёзки, то, пожалуй, и сам Тёзка не смог бы для себя расшифровать им сказанное, дай ему как-нибудь после себя прослушать. Что, впрочем, не помешало Клаве сделать для себя и для Тёзки краткосрочные выводы из этого звонка: «Ну, он у меня завтра получит».

С чем она отправилась в спальню на втором этаже их дома (вот так им повезло, и им не пришлось притирать своё счастье в шалаше или съёмных квартирах с тараканами на кухне), где она спинку стула, как она видела в кино, подставила под ручку двери, и уснула с уверенностью в том, что никто к ней в спальню без её соизволения, или хотя бы беспрепятственно не войдёт, с улыбкой представляя себе, как эта борьба с дверью произойдёт у итак с трудом стоящего на ногах Тёзки, у которого в итоге не хватит сил, чтобы преодолеть это препятствие и он кубарем полетит вниз по лестнице.

Когда же она утром проснулась и открыла глаза, то первое, что она сделала, то потянулась рукой в ту сторону на кровати, где с некоторого времени не должно быть никого. Но там никого нет, как не нащупывай. И Клава, видимо спросонья и забыв, на чём вчера был закончен вечер, с вопросительным выражением лица поворачивает голову в эту боковую сторону и ... С улыбкой убеждается в своей девичьей памяти. – Значит я ещё не постарела. – Клава освежает себя этими, так бодрящими с утра мыслями, и переводит свой взгляд на дверь. А вот то, что там она увидела, не полностью отвечает тому, что она хотела бы видеть. И это несколько омрачает её подъём.

А видит она, что не было сделано никаких попыток прорваться к ней в спальню. И стул как стоял на своём месте, так и продолжил стоять, нисколько в сторону не подвинувшись. – Наверное, сил не хватило забраться по лестнице. – Только частично себя успокоила Клава, про себя всё же желая, чтобы Тёзка в своём упорстве в деле её доставания, хотя бы до дверей их спальни дошёл. Ну а то, что она его на порог спальни не пустила бы, то это не столь важно, когда он продемонстрировал бы ей своё стремление и тягу к прекрасному. А так получается, что он только о себе думает, полностью игнорируя её.

– Ну, я тебе сейчас устрою. – Немного разозлилась Клава на этого бесчувственного Тёзку, который, наверняка, там, в гостиной, без задних ног рядом с диваном, на полу лежит (это он так себя оправдывает, типа я и до дивана дойти не смог, до подхода к нему, свалившись), в носовые дырочки сопит и нисколько о ней не думает. С чем она, не забыв посмотреться в зеркало, откуда она так хорошо выглядывала, направилась на выход из спальни, по выходу из двери которой, у неё ещё оставались надежды на благоразумие Тёзки, сумевшего добраться до двери их спальни и свернуться здесь в клубок (холодно ему бедненькому и такому несчастному).

Но, видимо, Тёзка потерял вчера все остатки здравомыслия, раз его здесь нет, и как теперь уверенно Клавой думается, то он и не думал вовсе, пытаться подняться к ней. – Сама, если это ей надо, ко мне спустится. – С невероятно хамоватым видом, со всей своей самонадеянностью, вот так, на всё пространство дома прокричал Тёзка, свалившись на диван, как это сейчас представилось Клаве, смотрящей сверху на лестничный спуск. – Ей всяко это легче сделать, чем мне, поднимаясь. А я не нанимался, между прочим, совершать такие восхождения. И всё лишь для того, чтобы кому-то там, наверху, польстить её самолюбию. И у меня тоже,

если что, есть гордость и уважение к себе. Так что, дорогая, соизвольте оставить вашу гордыню при себе, и немедленно спуститься ко мне сюда, как того я, глава семьи и отныне её кормилец, требую! – Здесь Тёзка, дабы подчеркнуть свою решимость быть отныне непререкаемым авторитетом и главой семьи, размахивается кулаком, чтобы им убедительнейшим для всех образом врезать, а может и треснуть по столу.

Но, видимо, в нём ещё существовали сомнения и некоторая нерешительность, так называемое слабоволие, раз он мимо столика промазывает и, притянутый за руку физическими законами, летит на пол. Где уперевшись лбом в пол и завершает своё сознательное пребывание в этой части пространства и времени суток, принявшись храпеть. А Клаве значит, не спи всю ночь и ворочайся на кровати под эти ужасающие звуки его храпа. Ну а то, что это немного не соответствовало действительности, и Клава, если и ворочалась на кровати, то только для того чтобы весь комфорт кровати ощутить собой под собой, а так она спала, как убитая, то об этом необязательно знать тому, кто заслужил в её глазах непощение за свой не выспавшийся вид. Да-да, именно так она выглядит не выспавшись. А если Тёзка посмеет заметить, что она слишком хорошо для этого выглядит, то за такую свою невыносимую придирчивость можно получить на долгое время ссылку на диван в гостиной.

Но к удивлению Клавы, так и сяк прислушивающейся к тому, что там внизу происходит, оттуда вообще никаких шумов не доносится. А что уж говорить о том, чтобы там на весь дом храп стоял.

– Может ему интуиция подсказала проснуться? – всматриваясь в самый низ лестницы, задалась вопросом Клава, считая, что только так и должно быть, если их сердца бьются в унисон, а не порознь. – Вот он замер в себе, боясь выдать себя хоть каким-то движением. И сейчас крутит головой по сторонам с испуганным лицом, пытаясь понять, где он и что тут происходит, и что я дурак такого вчера натворил?! – На этом месте Клава снисходительно улыбнулась так, что её можно было заподозрить в желании многое простить Тёзке и не слишком сильно его наказывать. – Пусть денёк походит виноватым, а я с этой его виной буду с суровым видом смиряться как мне этого будет хотеться. – Решила Клава и начала свой тишайший спуск вниз, чтобы раньше времени не обрадовать Тёзку своим появлением. А то он приготовится к встрече с ней и по его лицу сразу и не поймёшь, как он рад этой встрече.

А тут раз, и я к полной для него неожиданности перед ним появляюсь, – а он в этот момент захотел поковырять в носу или зевнуть, – и он в этом полушаге, в полнейшем для себя неудобстве, застывает в этом положении, и не зная, как теперь быть. А Клава, конечно, сделает удивлённое, с укоризной в глазах лицо, – вот значит как, зевая, меня встречаешь, – и резко отвернув от него голову (типа видеть тебя после этого не вижу смысла), пройдёт очень рядом и мимо него на кухню. Чтобы там грохотом посуды подчеркнуть, как он ей глубоко безразличен и противен. А когда первая минута напряжения, сопровождаемая грохотом посуды выйдет, то Клава с бесконечно несчастным видом выйдет из кухни со стаканом под завязку наполненным водой, затем после внутренней борьбы посмотрит на этого неисправимого преступника, Тёзку, своим пренебрежением оскорбившего её в самых сильных и лучших чувствах, и трагическим голосом, со своими срывами, спросит его. – Пить будете?

– Угу. – Виновато бурчит в ответ Тёзка, глядя на Клаву исподлобья.

– Тогда берите. – Говорит Клава, протягивая стакан с водой Тёзке, вслед потянувшийся к ней с протянутой рукой.

– Я добавила в него лимончик, чтобы вам было не так скверно освежаться. – Отпуская руку от перехваченного рукой Тёзки стакана, сказала Клава, только искоса поглядывая на полное благодарности лицо Тёзки.

– Спасибо. – Вот как-то так обобщает ударением последний слог Тёзка, включившись в процесс осушения стакана. Когда же стакан оказывается выпит, Тёзка, уже слегка в себя пришедший, протягивает ей стакан и ещё раз говорит спасибо.

А Клава с удивлением на него смотрит и интересуется у него. – А самим уже не под силу отнести? – А Тёзке уже с большей уверенностью невозможно слышать в свой адрес такие обвинения, тогда как ему не только стакан на кухню отнести под силу, а он стакан в руках Клавы унесёт туда вместе с нею, если только...

Но Тёзки нет ни на диване в гостиной, ни на полу рядом с ним, и даже на кухне, рядом с холодильником, им и не пахнет. На чём Клава, с каждым своим дальнейшим шагом всё больше тревожащаяся, не останавливается и заглядывает куда только можно, и даже не в самые подходящие и возможные для помещения туда человеком места. Что в итоге приводит Клаву физически обратно, в гостиную, а во всём остальном в растерянность в лице и общем виде, где она, опустив руки вместе с плечами, смотрит перед собой и ничего не видит, кроме картинку ухода её Тёзки, с такой необыкновенной улыбкой обещавшего ей непременно вернуться.

– Ты только никуда не уходи, – уже пророчески слышатся теперь слова Тёзки в дверях по его уходу, – а то я приду, а тебя дома нет, и что спрашивается я буду думать, когда у меня ключа от дома нет?

– Как это нет? – строго так волнуется Клава в сторону Тёзке, если честно, то иногда ведущего себя безалаберно и слишком беспечно. – Я тебе сама положила его в пиджак. А-ну, немедленно проверь. – Клава, не дожидаясь, когда Тёзка последует её совету, лезет рукой в карман его пиджака, откуда ею вынимается связка ключей, с которой она с укором на него смотрит и как бы у неё нет слов при виде такой безалаберности и этой его несерьёзности.

А у Тёзки на всё и на это есть объясняющий ответ. – Нельзя исключать возможности их потери. – Рассудительно говорит Тёзке, забирая ключи у Клавы. – К тому же в этом твоём ответе я вижу твой уход от основной темы нашего разговора. Где я от вас, моя дорога Клава, жду ответственного подхода к ожиданию моего возвращения с работы. И я бы хотел, чтобы вы к этому факту, с этого дня ежедневной действительности, отнеслись со всей серьёзностью и вниманием. При этом не забывая, кто отныне добытчик в нашей семье.

– Вот значит как вы заговорили. – Наклонив в бок свою голову, чтобы подчеркнуть свою принципиальную позицию на Тёзку и на эти его потуги распространить свою власть во все области их совместной жизни, заговорила Клава. – Сразу вас предупреждаю. Не получится у вас, ограничить мою свободу перемещения. И если я захочу выйти погулять на улицу с подружками, то и спрашивать вас об этом не утружу себя. Вам всё понятно? – Клава своим пронзительным взглядом чуть ли не подталкивает Тёзку к необдуманным решениям, не приводя в пример факты и ссылаясь на аргументы, криком и нетерпеливым видом выразить своё больше, конечно, негодование, нежели несогласие с такой индивидуалистической позицией Клавы.

И Тёзка всё-таки не удержался и подступился к Клаве с требованием сейчас же ему объяснить, это ещё с какой подружкой и куда она тут намылилась, пока он будет, не жалея себя, зарабатывать на хлеб их насущный. – Вот только не говори мне, что с этой дурой Анжелой?! – А Клава, сказать, что она обескуражена такими скоропалительными выводами Тёзки насчёт Анжелы, пару раз-то только видевшего её, и если быть откровенно честным, то не без повода в себе, так о ней умозаключать, мало сказать. А вот то, что её сейчас безмерно удивляет, так это странная забывчивость Тёзки, упомянувшего только о хлебе насущном и совсем не упомянувшего о сумочке, без которой она как без рук.

И, конечно, Клава говорит Тёзке то, что он слышать не хочет. – С кем хочу и куда только захочу пойду гулять. – Твёрдо, с непоколебимой решимостью сделать так, как она сказала, заявила Клава.

А Тёзка, видя, что Клава завелась и действует на рефлекс, вместо того чтобы уступить, идёт на ещё большую конфронтацию. – А чего ждать, можешь прямо сейчас пойти гулять. И не с Анжелой, а с тем, с кем тебе захочется. А ещё лучше с тем, кого я на дух не переношу, и он меня тоже. – Заявляет Тёзка, без ножной ложки всовывая ногу в ботинок. Но там на пути его ноги ждёт, ногой не уразумеешь, что за препятствие, а голова занята, и нога никак не хочет

занять полагающееся ей место в ботинке. Что не даёт Тёзке как следует сосредоточиться на разговоре с Клавой, и он начинает ещё больше нервничать и сбиваться на мыслях. И чтобы как-то решить эту возникшую на ровном месте проблему с ботинком, он начинает носком ботинка бить ботинок об стену, чтобы воткнуть в него ногу. Из чего тоже мало что выходит и ещё больше усиливает нервность внутренней обстановки Тёзки.

А Клава и в самом деле завелась и готова наговорить всякую глупость, плюс продемонстрировать свою склонность не идти ни у кого на поводу, идя на поводу своей взрывной энергии. – А и пойду, и ты меня не остановишь. – Немедленно, со всей решимостью в себе и во взгляде на Тёзку заявляет Клава. А Тёзка, наконец-то, вбивает свою ногу в ботинок, срывая на пятке всё в кровь и в его глазах сейчас стоит боль, которая легко может Клавой интерпретирована как его сожаление за своё неводержанное поведение. И сделай Тёзка на самую чуточку ей навстречу шаг, то он будет ею немедленно прощён, но этот упрямец и ничего не скажи ему против, как оказывается, не способен признать свою вину. И он вместо этих, всё ему прощается и заглаживается слов, с ехидством так её спрашивает. – И чего стоишь, не собираешься?

– Ах, ты... – У Клавы от таких его слов прямо всё в душе нецензурно и вслух не выговариваемыми эмоциями перевернулось. И она, только прыснув взглядом в лицо Тёзке невозможностью его видеть в таком его невыносимом существовании, резко разворачивается и бегом отсюда наверх, в спальню, чтобы там упасть на подушку и слегка в неё поплакать. А когда она проплачется, то она с гордым и неприступным видом выйдет, сверху на это ничтожество даже не посмотрит, и мимо него прямолинейно пройдёт гулять в самой шикарной своей одежде на выход и высоченных каблуках. А когда она на этих высоченных каблуках, то не всякий встречный прохожий не испытает головокружение и ещё чего-то такого в том же духе. Так что придётся вам, Тёзка, кусать свои локти, если вы не умеете в перспективе думать.

И всё бы так и произошло, – Клава в своей последовательности весь этот задуманный ею путь прошла, – если бы по выходу Клавы из спальни, её внизу не застала пустая прихожая, прямолинейно ей указывающая на то, что Тёзка, как последний трус сбежал и оставил её тут одну, плачущую, и главное, в неопределённом для неё положении – так что же ей теперь делать: идти гулять, только вопреки желанию Тёзки, тогда как самой и не больно этого хочется, или же остаться дома, как она сама того и хотела, не выведи её своими заявлениями Тёзка?

– Пройдусь до ближайшего магазина для своего успокоения. – Решила Клава, посмотрев на зеркало в прихожей, которое так и говорило, что грех не воспользоваться такой прекрасной возможностью показать себя во всей красоте на людях. – Да и почему бы не сверить часы своей красоты на людях. – Кокетливо себе улыбнувшись, Клава самопроизвольно поправила висящий на вешалке плащ Тёзки, затем упорядочила разбросанную Тёзкой при сборах обувь на полу и вышла в дверь. Правда ей далеко не удалось уйти от дома. У неё зазвонил телефон и тем самым остановил её на месте. А так как звонок телефона не столь важная причина для остановки, то тут напрашивается вывод о том, что этот звонок был крайне важный для неё.

А вот кто ей сейчас звонил, недавно упомянутая не добрым, а дурным словом Анжела, или же тот противный всему существованию Тёзки человек, то это не они и маловероятно, хоть и возможно. И хорошо, наверное, что это не они в тот момент позвонили Клаве, как ей сейчас вспоминалось, хоть это было бы не так больно, вспоминая звонок Тёзки, кто и позвонил ей тогда. А она ещё и не сразу ему стала отвечать, а стояла насупившись, глядя на его имя с экрана телефона, и раздумывая над тем, как бы ему по больней сейчас ответить – вовсе не ответив, или всё же колко ответить.

И если первый вариант, куда как болезненней был для Тёзки, – пусть помучается неизвестностью, представляя, как она гуляет с теми людьми под ручку, с кем ей воспрещается прогуливаться по сердечному договору между ними, – всё же в нём присутствует тот же недостаток и для неё – она тоже будет находиться в неизвестности насчёт его вспыльчивости.

В другом же случае, ничего из такого, о чём потом домысливай и строй догадки не было, а звучать будет одна только безжалостная правда, – вот говорили мне, желающие мне добра люди, чтобы я не доверяла своей интуиции на твой вероломный счёт, а я их не слушала, так доверившись тебе и своему сердцу – ну и дура! – и этот вариант показался Клаве наиболее предпочтительней. Тем более, нужно же ей выяснить, какая и в какой степени она дура, раз не прислушивалась несколько умных людей и заглядывала в рот своему обманщику-супругу целых семь месяцев.

Один месяц во время своего охмурения Тёзкой, где он себя выказал таким благовоспитанным и многообещающим молодым человеком, что не поверить ему и каждому им сказанному слову, в объёмке приводящих в трепет её сердце заверений (ты единственная, кто меня понимает и поймёт), просто было невозможно. И шесть месяцев, считая со времени их свадьбы. Где он и его поведение полностью соответствовало её представлениям об идеальном супруге. Но как сейчас ею понимается, то это был всего лишь медовый месяц в их отношениях. Где этот, коварнейшего умопостроения Тёзка, скорей всего, обладающий огромным терпением, всего лишь присматривался к новым для себя брачным реалиям и искал самые слабые места в ней и их отношениях, чтобы их использовать в будущем в своих вероломных целях.

Что же это были за цели, то Клава пока что этого не знает, но по тому, как она сейчас выведена из себя, можно говорить, что он добился многого из того, чего хотел (как минимум, перегрева их отношений).

И Клава, всё это в себе накрутив во время лицезрения экрана телефона, с которого на неё плюс к имени смотрел Её любимый, так фотогенично получившийся на этой телефонной фото заставке, – а так он не слишком получается на снимках, – с нетерпимым желанием всё-всё этому нахалу высказать, нажимает кнопку ответа, и ... В одно удручённое прости слово усмиряется, и после ещё некоторых смелых заверений со стороны отчаявшегося Тёзки, и сердце у него разбивается за своё никогда больше такого не повторится, несносное поведение, даёт обещание проявить к нему милосердие, и так уж быть, простить. Но только при одном условии: если Её Тёзка ещё не позабыл о своих сердечных обязательствах, и не дай бог, в другую сторону не посмотрел. А вот шутить в такой-то момент: «Ещё не успел», совсем не рекомендуется и не смешно, в общем.

– Угу. – Смирненно соглашается Тёзка. И такая тональность его ответов по душе и очень нравится Клаве. И она, смягчённая всем этим, на его трепетный вопрос: «Ну, я побежал?», вначале интересуется: «А ты ничего не забыл?», а как только Тёзка с робкой неуверенностью признаётся в своей нерешительности: «Я как в первый раз разволновался, вот и...», то у неё в голове всё начинает кружиться, так ей хочется сжать своего, такого дурачка Тёзку.

– Беги. – После небольшой паузы в трубке, со вздохом сожаления, что нужно расстаться, отпускает Тёзку Клава, не забыв пообещать ему что-нибудь приготовить к его приходу. Ну а Тёзка, видимо, не может без того, чтобы не сморозить преждевременность, а точнее откровенную глупость. И он вместо того, чтобы к примеру сказать: «Я побежал», берёт и с ехидцей говорит: «Надеюсь, не сюрприз». И что спрашивается, должна ему сейчас ответить Клава?

И, пожалуй, Тёзке сейчас и вообще, с Клавой повезло. И она не стала акцентировать своё внимание на этой неуместности Тёзки. А она, только нахмурившись, строгим голосом говорит ему: «Давай уже отключайся. И беги на работу, где тебя поди что уже все заждались». И Тёзка внял голосу её разума (раз своего нет), со словами (что это сейчас было?): «Ага, заждались», отключается, и дальше, Клаве, покачивающей в иронической укоризне головой, остаётся только догадываться.

После чего она бегом, а если точнее, быстрым шагом, идёт до ближайшего магазина, где ею покупается всё, что ей на глаза попадает, и кажется подходящим и необходимым для встречи Тёзки с работы. С чем она тем же спешным ходом возвращается домой, где всё купленное из пакетов на кухонный стол вываливает, с задумчивым видом на всю эту гору разно-

образных и отчасти несовместимых друг с другом продуктов смотрит, и в итоге свой выбор останавливает на телефоне. Который, как всегда ею выясняется, и она этим всегда пользуется, находит для неё выход из сложившегося сложного положения, того же выбора между столькими вариантами приготовления ужина.

А вот позвони она по одному, не только ей известному номеру телефона, то там в один момент решат этот вопрос для таких занятых домохозяек, которым ведь не только ужин нужно приготовить к приходу своего бесконечно обожаемого супруга, но и самой приготовиться к этой встрече. И тут даже и вопроса предпочтений не возникает, когда вернувшийся с работы домой супруг, видит в какой готовности его встречает такая красивая умница жена. И он даже в случае сложных отношений со своим желудком, кого он сегодня весь день голодом морил, обещая ему вечером наверстать упущенное, – сам же слышал, что Клава там обещала приготовить к нашему приходу, – и не подумает посмотреть в сторону этих ароматных запахов.

А он тут же всё своё внимание обратит на так невероятно приодетую и приукрашенную Клаву, встречающую его, конечно, несколько распушенно в новой причёске, на которую большую часть дня и ушло, но надо отдать ей должное в её изобретательности в деле умения его поражать с порога своим неприкрытым ничем видом, и согласится со всеми её требованиями к нему, высказанными в такой устной форме.

Но Тёзка в назначенное им же время не явился, и получается, что Клава напрасно столько себя готовила к этой его встрече, по быстрому смотавшись в парикмахерскую, затем в один из бутиков, одной, пикантного характера специализации, и как итог, в винный отдел за шампанским. А это всё не только траты финансового характера, но и проявление с её стороны заботы. А если всё это натывается на стену безразличия в виде вот такого игнорирования, которое продемонстрировал Тёзка, то тут и слов сразу не найдёшь, так Клаве обидно становится за себя несчастную.

И она бы сейчас немедленно разбила бы об голову этого негодяя Тёзки бутылку шампанского, попадись он ей под руку или хотя бы будь в наличие его голова. Но так как всего этого сейчас не было, а Клава пребывала в тревожном состоянии духа, которое только всё больше усугублялось со временем отсутствия и не нахождения Тёзки, то она начала всё больше терять присутствие духа и бледнеть в растерянности. Где она обвела уже робким взглядом внутренний интерьер гостиной и, разведя в стороны руки, громко вслух, с долей истерики в голосе, спросила:

– И где, чёрт его возьми, его носит?!

Здесь она замолчала и принялась прислушиваться. Вначале к окружающей её обстановке, где тиканье настольных часов не просто её сбивало и напрягало, а они своим размерным ходом, с каждым тиком вгоняли Клаву в неистовство её раздражения, вылившегося в итоге в её рукоприкладство по отношению к этим часам, нашедших своё успокоение об стенку кухни.

А вот Клаве, судя по её взрывному виду, пока что нисколько не жалко часов, и она не испытывает раскаяния за такие свои совсем необдуманные поступки. Правда, не всё так однозначно, и она, вернувшись обратно в центр гостиной, набирает в лёгкие воздуха, затем всё ею набранное выдувает себе в чёлку, немного успокаивается и с виноватой улыбкой проговаривает. – Это было слишком грубо и поспешно. – Здесь она смотрит на разбитые часы, и дальше проводит свою мысль. – Сейчас главное не спешить и не делать скоропалительных выводов. – С этим решением она подходит к мойке на кухне, где наливает себе полный стакан воды, смотрит внимательно на него и, глядя вперёд перед собой, начинает пить воду.

Когда же вода из стакана ею выпивается, она ставит стакан на кухонный гарнитур, замирает в себе, проводя внутренний анализ своего организма, получившего такое в себя водяное наполнение. А как только всё внутри успокаивается, она выводит для себя формулу своего дальнейшего поведения. – Надо прислушаться к сердцу. Что оно подскажет. – Клава, явно

действуя на интуитивных началах своей природы, умолкает внешне и видно по ней, начинает прислушиваться к своему сердцу.

А то видимо и само находится ни в малом расстройстве и непонимании этого подлеца Тёзки, который так вчера её обнадёжил своими столь крепкими и заподозрить просто невозможно в каком-то подлоге, заверениями в особенности своих сердечных чувств в её сторону, и в нём всё бурлит в негативной содержательности по отношению к этому обманщику Тёзке, более чем беспечному человеку и не скрупулёзно относящемуся к исполнению своих обязательств.

– Ну, только покажись мне на глаза, негодяй! – со всей строгостью, на которую было способно сердце Клавы, оно посмотрело на этого негодяя Тёзку, ещё больше ненавистно представляющемуся Клаве в памятливом свете в прихожей, когда он робко скрывал свою улыбку, искоса посматривая на неё в тот момент гневающуюся и даже не подозревающую о том, что это последний раз, когда они видятся. – Нет! – У Клавы от таких мимолётных мыслей сердце упало вниз, потянув вместе с собой её ноги в колготках. И Клаве особых трудов стоило выстоять на месте, где ей сил придала её рассерженность на Тёзку, которая в данный момент была наиболее влиятельной в ней внутренней силой, и она направляла Клаву в нужную ей сторону.

– И я, конечно, не смею утверждать, не имея достоверных фактов и аргументов, но на анализе ситуации и косвенные факты на многое из этого указывают, вполне могу задаться некоторыми вопросами, которые никому не понравятся. – Вот в такую сторону направляла рассерженность и внутреннее расстройство Клавы её призадуматься. И Клаве ничего не остаётся другого, как придать свой негативный смысловой оттенок некоторым поступкам Тёзки, сейчас видящихся ею в этом свете зрения. И при этом на помощь в этом деле сразу на ум приходят столько советчиков, которые давно ей об этом говорили и её предупреждали, собственно, о том, с чем она сейчас столкнулась в поведении Тёзки.

– Я тебе всегда говорила, а ты ещё меня не хотела слушать, что он себя ещё покажет во всей своей красе, а тебе только и останется, как кусать свои ногти. – Для виду сокрушалась самая настырная советчица Клавы, от которой просто невозможно отделаться хотя бы по причине своих самых прямых и близких родственных отношений с ней, то есть мама Клавы, Артемида Сизифовна. И у неё, конечно, есть свой субъективный взгляд и внутренняя мотивация так упрямо думать в адрес Тёзки, этого нелепейшего из всех возможных зятьёв, кто с первого знакомства и сразу вызвал у неё безоговорочное неприятие в данном близком качестве в сторону её дочери. А вот Клаве он и не пойми из каких внутренних побуждений понравился сразу (ясно, что для того чтобы насолить ей), и чем больше они, её семья, этому её выбору противились, даже с использованием вполне разумных доводов (он тебе не пара: ты вся в шоколаде, а у него за душой ничего нет), а не одних только оценочных мнений и бывало что и оговоров со своими провокациями, тем сильнее они укрепляли её решение пойти им вопреки, замуж за Тёзку.

– Не кусай ногти! – а вот кто это сейчас сказал Клаве, сама она себе или представившаяся ей мама, с укоризной на неё посмотревшая в отражение экрана телевизора и на то, как она зубками взялась за свои ноготки, то она и не знает, одёрнув себя от своих пальцев рук.

– Так. Надо успокоиться. – Клава принялась себя приводить в собранность. – И для начала попытаться понять, где он может сейчас быть. – Клава мысленно себя направила в сторону этого представления, и тут же прыснула слезами, с искаженным лицом, в рёве дав ответ на это своё представление. – В морге-е-е! – Клава своим рёвом, с полу падением на колени, где она зацепилась руками за стол и тем самым сейчас находилась в подвешенном положении, перепугала единственное живое существо, с давнишних пор здесь проживающее и сейчас находящееся с ней в доме – кошку Марусю. Где эта ухоженная кошка, воспитанная на взаимном уважении и ни разу не слышавшая изменений интонации голоса своей хозяйки в сторону его повышения, была крайне удручена тем, чему она сейчас стала свидетелем. А если учесть тот

факт, что она занимала осторожную позицию по отношению к Тёзке, то не трудно догадаться, кого она обвинит в таких зловещих изменениях и поведении своей любимой хозяйки.

– Надо было прислушаться к зову своих инстинктов и принять приглашение Артемиды Сизифовны. Но нет, я не могу, ведь у меня огромное и любящее сердце, и я никогда не брошу свою хозяйку. Вот же дура. И теперь дрожи вместе с ней под диваном и опасайся появления этого, никакого к нему доверия, явно собачника, Тёзки. – Забравшись очень быстро под диван от этих криков, рассудила кошка Маруся, выглядывая из-под дивана.

А Клава между тем, со словами: «Надо успокоиться и взять в себя в руки», и вправду берёт себя в руки, и оперевшись на них и через них об стол, приподнимается. Здесь она пытается умирить дрожь в руках, начав их тереть друг об дружку. После чего она с рассудительностью в лице, но всё же ещё не полностью с ровными мыслями окидывает пространство комнаты перед собой в попытке зацепиться в нём за нечто такое, что поможет ей найти объяснение отсутствия дома Тёзки. И ей это удаётся сделать. Правда не так буквально, а в некоторой косвенной проекции – она вдруг наткнулась на телефон. А он уж точно даст ответы на многие волнующие её вопросы.

И Клава, укорив себя в том, что она сразу не прибегнула к помощи телефона, бегом до него, где он с той же поспешностью берётся в её руки и... Клава зависает, с робостью смотря на экран телефона. – А если он не ответит? То, что тогда мне останется думать? – сглотнув слюну, испуганно задалась этими тревожными вопросами Клава. И тут же опять исказилась в лице, и хоть не так как в первый раз эффектно и трагично живо, пробулькала рёвом себе в нос: «В морге-е-е!».

Что, видимо, обладает успокаивающим эффектом, и Клава, немного приободрившись, всё-таки нажимает кнопку вызова, и чёрт тебя побери и ненавижу тебя всем сердцем Тёзка, его нет в сети. И как противным голосом говорит в телефон, скорей всего, такая же негативная девка, то абонент может быть так же выключен. А это всё наводит Клаву на усугубляющие поведение Тёзки мысли. И как только Клава услышала в трубку женский голос, да ещё такой противный, то сразу же ассоциативно происходящему размыслила. – Знаю, что это за места такие, конспирологически так называемые вне действия сети.

Подловилась эта рыбка (Тёзка дурачок) в сеть этой негативнице, противнице всего нравственного, построенного на семейных ценностях контента (раз меня никто в этих серьёзных целях не рассматривает и не зовёт замуж, то буду мстить всему этому семейному роду человечества), и он сейчас, одурманенный ею с помощью химических реагентов типа клофелина, или алкоголя, – а сперва она привлекла к себе внимание этого остолопа Тёзки короткой юбкой и милой улыбкой, с исходящей от самого сердца просьбой помочь ей скоротать своё одиночество (а этот дурак никогда не пройдёт мимо людей, которым нужна помощь), – выброшенный за порог осознанной действительности, лежит где-нибудь на грязном полу или канаве, в неглиже. А она, прибрав себе в руки всё, что только можно найти в нём, и телефон в первую очередь, теперь ходит с телефоном и над всеми знакомыми Тёзки надсмехается, ставя его в возмутительнейшее для всех его знакомых положение: за его спиной называя его очередным абонентом, не прикрито так намекая на очень многое в их отношениях.

И Клава в этом своём нервном волнении, где она цепляется за всякую, даже за самую невероятную возможность объяснения отсутствия дома Тёзки, в этом своём осмыслении этого голоса в трубке телефона Тёзки, могла бы дойти до таких крайностей, что потом и самой не найти объяснения, как так можно было подумать. Но хорошо, что она вовремя успевает нажать кнопку выключения набора номера телефона и это даёт ей возможность слегка и на недолгое время успокоиться. Ну а когда это недолгое время проходит, то Клава уже со сложным выражением лица смотрит на телефон, и задавшись вопросом: «Интересно, и всем он так отвечает, или только мне?», принимается листать телефонную книжку в телефоне, в желании выявить там подозрительные контакты.

Что, определённо странно, но всё же объяснимо её большой взволнованностью и переживаниями, где она могла забыться и принять свой телефон за телефон Тёзки, в котором всегда присутствовало столько неизвестных ей контактов, о которых ей бы хотелось получить больше информации, хотя бы на вот такой экстренный случай. А спросить о них она у Тёзки всё как-то не решалась, хотя бы потому, что без его ведома не считала возможным вторгаться в пределы этой части его личной жизни. Ведь тогда бы он получил прекрасный шанс иронизировать над ней и её принципиальной позицией, иметь некоторые личные пространства в себе, куда без её разрешения не сметь лезть.

И вот сейчас она, явно находясь отчасти не в себе и с переполохом в голове, который расставил в её голове всё по разным местам, смотрела в телефонную книжку своего телефона и видела там список не её, а Тёзких контактов. А как увидела в таком своём осмыслении, то тут же принялась поражаться и недоумевать. – Я что-то не поняла! – с первого контакта в телефонной книжке растерялась Клава, обнаружив там имя Анжелы. – Это что ещё такое?! И что она тут делает? – один за другим потекли в голову Клаве вопросы, а вслед за ними подсаживающиеся в колени, огорчающие до глубины души Клаву ответы-откровения предательской сущности подружки Анжелы. Теперь-то многое за неё и Тёзку становится понятным, почему они так на публику выказывали в отношении друг друга столько предвзятости и негатива. А им так было удобнее вводить её в заблуждение и по большому счёту, что уж себя обманывать, обманывать её.

– Мы этой дуре продемонстрируем, как мы друг друга терпеть не можем. А как только она на наш счёт успокоится и тебя, любовь моя, спишет со счетов соперницы, то нам будет куда легче обманывать эту простушку. – За спиной Клавы, прямо на ушко шептал Анжеле всё это коварство Тёзка, а затем всякие глупости, которые так щекочут нервы и приводят в особое расположение девушек, заводя их дальнейшие поступки за грани привычного и приличного.

– Ах ты, паскуда! – Клава аж обомлела от такого своего представления коварной сущности и наличия ума у Анжелы, так ловко притворяющейся глупейшим в мире созданием. – А таких глупейших созданий только и обожают эти негодяи. – В сердцах выговорила Клава. – Вслух они всего этого никогда не признают, заявляя, что они не понимают своё будущее с человеком не умным, тогда как им и не нужно такое своё понимание, когда им ближе всего свой комфорт, который как раз обеспечивают вот такие неразумные создания. Какая же я дура, что умная! – Клава вновь взялась за своё, за рёв, с брызганьем слёз из глаз. В результате чего кошка Маруся вновь вдавливаясь в угол и даже начинает шипеть на невидимого противника.

Клава, между тем, немного успокаивается, интуитивно почувствовав, что здесь, в случае с Анжелой, не всё так однозначно, и имеет место желание Тёзки её подразнить, а может сбить её с хода объективной мысли. – А возьму-ка я и специально запишу в телефонную книжку Анжелу. Вот же она удивится. И за всем этим и не сможет дальше пойти по списку людей в телефонной книге и обнаружить там очень знаковые для меня номера. – Заглядывая много дальше перед собой, коварно рассудил Тёзке, заметив с какой живостью в глазах Клава посматривает в сторону его телефона. А ранее, по выходу из ванной, он так же сумел заметить, как Клава одёрнулась от его телефона, так притягательно лежащего на кровати (точно хотела заглянуть).

– Да, всё верно. – Клава догадалась насколько хитёр её Тёзка, ставя такие препятствия на её пути. – Но я же умная. – Клава на этот раз обрадовалась тому, что в ней есть, и пошла дальше перелистывать телефонную книжку. – Какое-то прямо дежавю. – Следуя вниз по номерам телефонной книжки, Клава с удивлением заметила, что телефонные номера и люди в ней всё ей знакомые. – Странно всё это. – Клава остановилась в изучении телефонной книжки. Затем она отрывает от телефона голову, смотрит перед собой, и вдруг решает пойти в ванную и в ней окончательно успокоиться. Но только не так, как могли бы подумать люди с трагическим умопозволением – навсегда.

А она в неё погрузилась без лишних на себе подробностей, о которых здесь не будет упомянуто по причине деликатности этой темы, и за принципиальную позицию Клавы на себя и свои области личного, куда и Тёзка только с её разрешения время от времени допускается. По выходу из ванной Клавы, от неё можно было ожидать принятия энергичных решений и действий людьми динамично мыслящими. Но и здесь Клава не оправдала вот таких возложенных на неё надежд, и она даже не посмотрела в сторону лестницы, соединяющей первый и второй этажи дома, где ванная находилась на втором, а напрямик направилась в сторону спальни. Где она, как была в халате, так в нём и устроилась в кровати, выдав своё не полностью ровное состояние тем, что с ходу бросилась в неё.

Где она зачем-то сказала, глядя в безызвестную даль: «Утро вечера мудреней», и закрыв глаза, уснула.

Глава 2

Утро вечера не всегда мудреней, тем более тогда, когда это не утро, и столько всего тебя от этих мыслей отвлекает.

Что преследовала Клава, укладываясь в сон на кровать и, делая такой посыл на своё ближайшее будущее с помощью озвучивания народной мудрости, сконцентрированной в пословице, совсем не трудно догадаться. Она дала время Тёзке поскорей одуматься и пока она спит вернуться домой в самом лучшем для всех случае. А если Тёзка не прислушается к своей интуиции и уже в крайнем случае, к своему сердцу, если у него ещё есть сердце и чувства в нём к ней, то тогда ей ничего другого не остаётся, как взять в свои руки дело сохранения всего того, что осталось и только на ней держится в их семье. А для этого как раз и нужно было ей успокоиться с помощью сна, который, как бы не критиковали бессонные люди, в деле приведения себя в порядок всегда очень действенен. И Клава даже скажет больше. Сон позволяет лучше обдумать сложные вопросы, чем если бы ты этим занялся на ногах и в осознанной поспешности.

Так вот. Клава, будучи уже не столь наивной, какой она была с самого утра, даже рефлекторно не дёрнулась рукой в ту сторону, где только по необъяснимым причинам никого не должно быть (как раз в данном случае), а она бросила взгляд с прищуром в сторону настольных часов, кои миновала судьба того, больно разговорчивого будильника с гостиной, и к некоторому своему удивлению обнаружила, что проспала чуть ли не весь день. А как всё это обнаружила, то в душе ещё больше встревожилась, даже не прислушиваясь, услышав, как в доме тихо и пусто под тиканье этих настольных часов. Как понимается Клавой, тоже ни на секунду неумолкающих и с каждым ударом разбивая ей сердце, напрашивающихся на ту же итоговую судьбу, что и часы в гостиной.

Но им повезло, и Клава на пол пути к ним рукой остановилась. – Таким образом, время не остановишь и точно не повернёшь их вспять. – Подумала Клава, глядя на часы, секундная стрелка на которых, хоть и дрожала, но продолжала следовать своему круговому пути, очерченного её внутренним мироустройством и конечно, механизмом, который ею движет. – А если само время идёт по кругу, то всё так или иначе вернётся на круги своя. И нужно только уметь увидеть это оборотное и время возвращение. Ведь оно всегда маскируется под новый временной период и вносит свои логические изменения во внешнюю действительность путём изменения самой действительности, а также внутреннего мировоззрения смотрящего на эту действительность человека. Который теперь на неё смотрит другими глазами. Хм. А я видно уже отчасти переформатировалась и готова смотреть на мир другими глазами. Вон какие умные мысли в голову лезут. – Усмехнулась Клава и бегом из кровати.

Где она, выскользнув из кровати, в один прыжок оказывается у встроенной гардеробной, откуда, не глядя ею, вынимается первое, что в руки попадается. И она никогда не ошибалась, так её выбор оказывался удачным, когда она так действовала, не вовлекая в процесс своего выбора разум; вот только Тёзка с некоторого времени начинает ставить под сомнение этот её алгоритм действия. После чего она с решительным видом, где только ноги подрагивая, выдавали её неуверенность, выдвигается на выход из спальни, затем по лестнице вниз, там она громко осматривается по сторонам: «Ты дома?!», и как только ею понимается, что никого нет дома, она берётся за телефон.

Но набор его, Тёзки, номера, не приводит к каким-то иным результатам, и как при первом наборе, доступ к Тёзке ограничивает негативная, сюжетного представления, хотелось бы её назвать девушкой, но язык не поворачивается так назвать эту всеми ненавидимую, а бывает что и осточертевшую тётку. – А ведь у неё поди что был очень близко знакомый, с общими взглядами друг на друга и планами на совместное будущее парень. – Клава не могла не отвлечься на то, что не имело никакого отношения, не только к её проблеме, но и к настоящей действитель-

ности. Так уж устроен мозг взволнованной сильно сердечной девушки, которую нужно как-то успокоить от сердечного кризиса отношений с этим миром. А для этого нет ничего лучше вот таких отвлекающих историй.

– И вот этот её хороший знакомый, не сразу был ею поставлен в известность её родом занятий (а она дура, это не сделала сразу, не подумав, как это важно и к чему это всё в итоге может привести), и когда он как-то в особенный раз, – он вдруг решил, что жить с ней ему будет всяко забываемо лучше, чем отдельно от неё, – после трепетной и волнительной борьбы в себе, решил набрать её номер телефона, чтобы сообщить ей эту интригующую новость, а когда набрал, то вдруг слышит, что она сейчас находится вне сети, и в общем, говорить не может, и ему нужно подождать. «Ладно, подожду». – Решает её новый знакомый с такими интригующими намерениями. Ну а чтобы время ожидания, когда там освободится его подруга, не затягивалось, он решил потянуть пиво в ближайшей пивной. Ну а там он быстро находит компанию в лице столь же удручённого типа (он тоже пребывал в ожидании, правда он более глобально мыслит, и ожидал, когда у него в жизни всё наладится; ну или конца света на худой конец). Где слово за слово, и они всё-всё друг о друге знают, и само собой готовы не оставить друг друга в беде и оказать помощь.

– Знаю я этих стерв, как свои пять пальцев! – ударив кулаком по столу, новый знакомый интересующего нас человека, таким образом обращает на себя внимание бармена, а так-то он хотел добавить убедительности своим словам. Ну а когда он вслед за этим действием показал свою руку, на которой отсутствовал мизинец, то эта подробность на его руке вогнало в когнитивный диссонанс интересующего нас человека, слышавшего одно, а видящего другое. Хотя увиденное им не отменяло того, что его новый знакомый не знал судьбы своего пропавшего мизинца, чья печальная судьба однозначно была связана с одной из тех стерв, о ком в таком нелюбезном раздражении отзывался новый знакомый.

При этом новый знакомый отвечает за свои слова, что он и собирается сейчас доказать, позвонив одной знакомой стерве, с которой он немедленно познакомит интересующего нас человека, а для него своего друга на век. И вот новый знакомый набирает номер телефона своей знакомой стервы, и как почему-то ожидалось интересующим нас человеком, ему так там отвечают, как он и ждал, что он и выразил многозначительной улыбкой. С какой он говорит: «На, послушай, что она говорит», и без спросу протягивает трубку интересующему нас человеку. А тот уже и отказаться не может, и берёт протянутую трубку телефона, затем приставляет её к уху, и ... Да как такое может быть, нервно вспыхивает интересующий нас человек, услышав голос своей знакомой, говорящей тоже самое его новому знакомому. И в этом нервном состоянии, с перекошенным лицом, он подсакивает с места и на весь бар кричит: «Вот же стерва!».

– А я тебе что говорил. – Потеплев в сердце, новый знакомый погружает свой нос в кружку пива, и, пожалуй, за столько времени в первый раз себя чувствует успокоенным и дождавшимся того самого времени, когда для него наступят лучшие времена. А то, что об его голову прямо сейчас разбилась массивная кружка из которой пил интересующий нас человек, то это ещё больше его успокоило – ведь он, наконец-то, дождался главного события в своей жизни, конца своего света.

– Это уже не укладывается ни в какие ворота. – Прочедила сквозь зубы Клава, с яростным выражением лица и желанием разбить телефон к чёртовой матери, посмотрев на него. И только необходимость иметь под рукой средства коммуникации сдерживает её от этого шага. И она только с пренебрежением отбрасывает его на стол. После чего поворачивается в сторону прихожей, чтобы дать последний шанс этому негодяю Тёзке на своё прощение. И если он сейчас же на пороге двери не появится, или хотя бы в неё в бессознательном виде не ввалится (нет сил дорогая объяснять, да и не помню так-то, где я всё это время был, а так, конечно, без тебя пропал) и падёт на пол, то у него есть все шансы не быть ею прощённым.

И видимо Тёзка заостенел в своём эгоизме, раз он не показался на пороге двери и даже носом не упёрся в дверной звонок, чтобы позвонить. И теперь его будущее уже без вариантов: он никогда-никогда не будет ею прощён, сколько бы он на этом не настаивал, стоя перед ней на коленях с раскаянием в лице. И Клава с такой решительностью в лице собралась было резко отвернуться лицом от двери и больше не ждать оттуда никаких для себя новостей, как она вдруг взглядом натывается на ботинок Тёзки, который не стоял в своей паре в установленном для их нахождения месте, обувницы, а прямо как Тёзка, бросил свою пару и высунул свой нос туда, куда его не просят. А захоти ты пройти мимо него, то и не получится этого сделать свободно, не зацепившись за него ногой.

– Вот во всём он такой! – в сердцах выпалила Клава. – Не стоит ему никогда на месте, вечно лезет на рожон. И захочешь не заметишь, не получится этого сделать. Да за что мне такое горе?! – С новой силой накатило на Клаву чувство рассерженности и невыносимости вот такого бытия неизвестности, виновником которого, а скорей зачинщиком, однозначно был Тёзка. И никто другой.

И Клава быстро сокращает расстояние до этого ботинка, затем с долей остервенения его хватает и начинает трясти его в руке. А затем раскрыв дверь, ведущую в кладовку, забрасывает туда этот провинившийся ботинок. – Там тебе самое место! – орёт вслед улетевшему ботинку Клава. После чего она возвращается в гостиную и начинает там искать, на чём ещё можно выпустить пар.

И первым, кто попадает в прицел её мстительного взгляда, это любимое кресло Тёзки, в котором он любил демонстрировать некоторую независимость своего мнения от общесемейного, и иногда бывало так расслабится, что позволяет себе критические замечания в её адрес.

– Как ни посмотрю на тебя со всех сторон, дорогая, то не вижу ни одной причины отказывать себе в удовольствии ещё раз на тебя посмотреть. – И сразу и не поймёшь, что под всем этим подразумевал Тёзка, скрывая свои истинные намерения под своей загадочной улыбкой. Но Клава никогда не оставляла без ответа любой его выпад в свою сторону. И она тоже загадочно улыбается и спрашивает его. – Так вы во мне что-то такое искали, что не соответствовало бы вашим представлениям о совершенстве. Так, что ли? – с долей перчинки в голосе спрашивает Клава.

– Ничуть не бывало. Я лишь хотел подчеркнуть в вас этот настрой на стремление к совершенству. – И вот спрашивается, где и в каких местах так себя оправдывать поднаторел Тёзка. Хотя Клава догадывается – там, где много свободных женских ушек, готовых всякую глупость в свой адрес слушать, и если ты им угодишь, то и быть послушными.

– Ну и ловкач же ты. – Придавливая собой Тёзку на кресле, Клава никогда не отводила от него своего внимательного взгляда, от которого ничего не пройдёт мимо и даже самое ничтожное сомнение в глазах Тёзки будет уловлено, и на его счёт немедленно последуют выводы. – Значит я толстая. А вернее отъевшаяся. И можешь даже не оправдываться, я всё по твоим глазам видела.

– На, получай! – поставив кресло лицом к стенке, Клава победно резюмирует такой свой ответ Тёзке. Чего, конечно, недостаточно, чтобы пропорционально ответить ему за то всё, что он сделал и сейчас своим отсутствием делает в отношении душевного и сердечного спокойствия Клавы. И Клаве до нестерпения сейчас хочется посмотреть в глаза этому негодяю, который так её уже замучил. И она бросается в сторону комода, на котором стоят их совместные фотографии в специальных рамочках. Здесь она хватается самую ей нравящуюся рамочку с фотографией, и, конечно, её не устраивает смотреть на такого счастливого и улыбчивого Тёзку через стекло рамки. Оно хоть и немного, а всё равно искажает фотографию.

И Клава, немного сумбурно и дёргано раскрывает рамку, сразу же отброшенную в сторону, и вынимает оттуда их совместную фотографию. После чего она чуть ли не упирается в неё взглядом, и... Берёт и разрывает на части фотографию по только ею виденному расколу

между ними. – Видеть тебя, подлец, больше нет моих сил! – разъярённо, от сердца выплёскивает из себя всё это Клава и, разорвав вначале эту фото связь между собой и Тёзкой, затем берётся за самого него. И здесь ему нет никакой пощады. На самые мелкие кусочки рвётся та часть фотографии, где он запечатлён.

Когда же с этим делом вроде как разобрались, Клава со вздохом усталости падает на своё кресло и, вытянув ноги, начинает остывать. После же того, как она слегка успокаивается, несмотря на присутствие других рамок с фотографиями на комод, с которых на неё смотрит такая счастливая пара, – и кажется он в меня в тот момент на самом деле был влюблён, от себя добавила Клава, – и уже с более рациональной позиции подходит к рассмотрению Тёзки и всего того, что он тут натворил.

Где к ней неожиданно вдруг пришло иное понимание случившегося с ней, а уж затем с Тёзкой (тут причинно-следственная связь не всегда работает в такой, всем известной последовательности, и эмоции всегда вносят свои коррективы в эту логическую цепочку: вначале были чувства, а затем всё остальное, вот как-то так). И Клаве со всей неожиданностью вдруг решилось, что за этим поступком Тёзки стояла его преднамеренность.

Это она только в самом начале, действуя на нервах и руководствуясь эмоциями, по другому и не могла подумать, посчитав, что системная безалаберность и безответственность возведённая в квадрат Тёзки, стало той самой причиной, которая в итоге и привела её в этот ступор мыслей. Тогда как она только сейчас, наконец-то, всё до поняла и додумалась, что на самом деле произошло с Тёзкой.

– Его исчезновение стало следствием его преднамеренных действий, связанных... Нет, его кто-то на это надоумил. Сам он по личной инициативе, без того, чтобы кто-то его так в мою сторону настроил, перенастроив в свою, никогда бы не решился и себе не позволил так сделать. Он хоть и негодяй, но он не способен на подлость. Если... – Клава, явно находясь в расстройстве чувств и растерянности, не смогла точно определить свою позицию по отношению к Тёзке, бросаясь в свои противоречия, то в одну, то в другую крайность.

И, видимо, в один из моментов, озлобление в ней пересилило всё остальное, и она, обратившись в недалёкое по времени памятное прошлое, начала в негативном ключе видеть то, что ранее у неё нисколько не вызывало вопросов, и даже ей всегда нравилось вспоминать.

– Так вот он почему в последнее время так себя без спорно, и вызывающе только одни хорошие и радостные эмоции вёл, во всём со мной так мило соглашаясь. – Клава от таких своих, умопомрачающих такие светлые воспоминания, прямо страдает и с болью за сердце хватается. И хотя она на всех этих новых выводах сама же настаивает, рассерженно по-иному интерпретируя все эти прошлые события, всё же она до конца во всё это не верит и не может себя убедить в том, что всё так было лицемерно плохо. И для того чтобы себя подтолкнуть к этому негативному убеждению, Клаве приходится выдавливать из себя больше горечи и обиды.

– Да и вообще в последнее время, – это поначалу мы немножко притирались друг к другу, – Клава на этом месте оговоркой не удержалась от того, чтобы не припомнить некоторые эпизоды первых шагов своей совместной жизни, где они с Тёзкой по чьём свет себя корили за такую свою поспешность в деле связывания своей жизни с этой негодной девчонкой (сопляком, и дальше со своими изменениями по тексту), которая к тому же ввела меня в глубокое заблуждения, которое мне может стоить в итоге гастритом, а может и всей язвой желудка, указав в своём брачном резюме, что она прекрасно готовит.

– Ах, вот оно как! – чуть не задохнувшись от переполнившего её возмущения, еле продохнула из себя слова Клава. – Ну раз такое дело, и мы всё-таки решили ничего не скрывать друг от друга, и говорить начистоту, – и выходит, что вы всё это от меня всё это время утаивали и не были честны, жестокий и бесчестный человек, – то я тогда всем своим сердцем вас слушаю. – И вот зачем прикладывать на этих словах руку к своей груди, от которой и глаз теперь

не отвести, так она за Тёзку и за их отношения волнуется лёгкими вздохами и перекатами. И если бы не эта манипуляция Тёзкиным сознанием, то он бы был способен на большее в своём ответе. А так его только и хватило, как примиряюще сказать:

– Вот же ты злопамятливая.

– То, что я о вас всё помню, не так называется. – Говорит Клава. – Это не злопамятливость, а забота о вашем благополучии.

– Ну тогда напомните мне, отчего у меня в ушах сильно чешется. – А вот это уже новый вызов со стороны Тёзки. На который Клава бы ему сейчас же ответила, как следует, если бы он не предупредил это её желание своим дополнением. – А лучше я сам тебе напомню шепотом в твои ушки. – И у Клавы и сейчас в её покрасневших ушах стало щекотно-щекотно, что она не смогла удержаться и не потереть их руками.

– М-да. – Рассеянным взглядом посмотрев в никуда, вздохнула с памятливым сожалением Клава. – И вообще ни тени облачка не было в последнее время на горизонте наших будней. – А затем с горечью добавила. – И чем это не доказательство его злонамеренности. Хотел негодник, себя идеалом выставить, перед тем как бросить меня. – Уже со смещением в сторону эмоций, вознегодовала Клава, и вдруг, это её: Стоп!

– А может он приходил, когда я... – Клава прямо осела в себя, потрясённая пришедшей в голову догадкой, и онемев на мгновение в лице и мыслях, засела с открытым ртом, в который залетай мухам, не хочу. Так она непоколебима сидит пару тройку мгновений отсчёта тикающего в груди сердца и выходит из этого своего положения уже ставшим для неё нормой с некоторого времени способом – она разразилась рёвом, где в промежутках между всхлипываниями принялась себя укорять за такую свою непослушность.

– И зачем я уходила в парикмахерскую, делать эту ненавистную причёску?! – схватив себя за локоны волос, но не столь крепко, как можно было от неё ожидать после таких её заявлений, Клава одновременно с эмоциональными всхлипываниями принялась искать вокруг себя какую-нибудь зеркальную поверхность, чтобы воочию убедиться в том, насколько ей новая причёска ненавистна. И такая поверхность находится, правда она не отражает в себе высказанное сейчас Клавой мнение о своей новой, вполне ничего причёске. Что, между тем, не мешает ей продолжать себя дальше расстраивать и укорять.

– А он в это время пришёл домой, чтобы меня пораньше обрадовать, а меня дома нет. – Пустилась в дальнейшие всхлипывания Клава. – И само собой он насупился, никого дома не застав, и даже в холодильнике пусто. «Я же тебя просил Клава, никуда не отлучаться. – От самого сердца тяжело вздохнул побитый реалиями жизни Тёзка, такой несчастный стоя с опущенными руками и плечами. – А ты вот как поступила», – представилось Клаве, как говорит Тёзка. – Здесь Тёзка нервно насупился и в этом нервном исступлении даже попытался пнуть кошку Марусю, на свою голову появившуюся в гостиной крайне не кстати. Но из-за своего расстройства он промахнулся и попал ногой об косяк двери. Что ещё больше его вывело из себя и привело в готовность не полагаться на свой рассудок, а действовать на эмоциях. А я его отлично знаю, – очередной раз всхлипнула Клава, – он психологически неустойчив в мою сторону и вечно срывается по всяким пустякам.

– Вот он и обнаружив, что я его не послушалась и вышла из дома, чтобы его не ждать, – тогда как на самом деле всё это было стечение непредвиденных обстоятельств, и если меня в тот момент не оказалось дома, то не для того чтобы его не ждать, а я так его ждала не пассивно, – не разобравшись, что к чему и может быть меня похитили, действуя в запале, сверх обычного рассерчал и разнервничался, и хлопнув что есть силы входную дверь, может даже в стоптанной обуви (вот почему ботинок в прихожей оказался не на месте, – догадалась Клава, – он хотел переобуться, но не смог в этом своём взрывном состоянии), чуть ли не босиком бросился куда глаза глядят. Где ему хочется сбиться с прямой дорожки и прямиком наткнуться головой об дерево и так разбиться об него, чтобы ничего больше не знать о своей веролом-

ной жёнушке и любви к ней. «Разобью свою голову до беспамятства и начну новую жизнь с кем-нибудь другим, не такой индивидуалисткой и всё вечно должно быть по её. А моя новая любовь будет мне смотреть в рот и во всём меня поддерживать и слушаться. Вот так-то!», – и с этими, до чего же необдуманно и однозначно провокационными мыслями, Тёзка, закрыв глаза, сломя голову нёсся вперёд, не разбирая дороги.

– Он, так необдуманно несясь, тешил себя надеждой столкнуться лбом не с деревом, а посредством его с новой любовью, само собой в виде принцессы: а так только и находятся, и встречаются принцессы. С ними только и сталкиваешься на просёлочной дороге лбом в лоб. Где ты для неё первый встречный, за которого её вредный батюшка-король дал честное королевское слово её отдать замуж, раз она нос воротит от иноземных женихов, всё сплошь высокородных принцев из хороших и благородных семей. Ну а то, что они рожами не вышли и поговорить с ними не о чём, то батюшка-король эту коллизию объяснял тем, что всё стерпится, да слюбится. А вот принцесса, если честно, разбалованная всё тем же батюшкой-королём, который в ней души не чаял и всё-всё ей позволял делать и больше, конечно, не делать во дворце, даже слушать не желала о том, чтобы поступать вопреки своим желаниям и ждать там ещё чего-то. – Не трудно уже догадаться, почему Клава пустилась в такое свободное мысленное плавание, рассуждая о мотивации и ходе поступков Тёзки, считающего себя обманутым и жертвой её самодостаточного, самую малость эгоистичного характера.

Принцесса Аннет и её выбор.

«Как это мне вас понять король-батюшка? – возмутилась принцесса Аннет, вздёрнув свой прелюбопытнейшего свойства и характера носик изящной конструкции, от чьего вздрагивания король-батюшка терял в себе всякое самообладание и уступал всем капризам принцессы. – Это что вы мне тут такое предлагаете. – Не давая королю-батюшке как-то обосновать свою позицию на прибывшего с визитом и предложением руки и сердца принца Чарльза Третьего, принцесса Аннет, уже испытывая отвращение от вида этого принца, никакой романтики в лице и вызова условностям, а одна только скука и благопристойность, с церемониалом на всю свою внешнюю невыразительность, продолжила сбивать с толку короля-батюшку. – Чтобы я ежедневно, с утра до вечера скучала и теряла живость мысли и характера в разговорах об одной только погоде с иноземными придворными дамами, которые и говорит по-нашему не обучены. А уж что говорить о принце Чарльзе Третьем, – принцесса Аннет в лице покорибилась, вспомнив эту самонадеянную и одна самоуверенность физиономию принца Чарльза Третьего, даже и не подозревающего, что что-то может произойти не по его-ному: «Как, бл**ь, я сказал, так и будет!».

– Ладно, не буду придирается к нему и углубляться в это его расстройство личности, где он к нам явился не от самого себя, а от третьего лица, – возможно это у него нарратив личности такой. Но ведь от этого скупердя и слова признательного, а что уж говорить о ласковом, не дождёшься. Ты сначала ему чем-то угоди, а уж только затем он тебя сквозь зубы, с бесстрастным лицом похвалит. Один только церемониал, схематичность поведения на основе этикета и робость реальной жизни в нём присутствует и никакой импровизации. Да я и недели там, в такой обстановке, не выдержу, зачахну без свежего воздуха и умру по вашей милости, любимый мной когда-то батюшка. – Принцесса Аннет брызнула искренними слезами, так ей удалось вдохновенно и убедительно всё это представить, что она сама всему ею только что придуманному поверила.

А у короля-батюшки и у самого сердце разрывается при виде такой несчастной принцессы, которую получается, что именно он толкает в объятия этого принца Чарльза Третьего, кто и ему нисколько не понравился и даже вызвал желание позвать палача и отрубить ему голову. И король-батюшка было собрался пойти навстречу своей дочурке-принцессе, взашей и пинками выгнать этого негодного принца, заставившего так расстраиваться принцессу, но тут дело такое: в нём, кроме любви к своим близким присутствует королевское радение за благо-

получие своего королевства, и оно заставляет его прислушиваться не только к зовам своего сердца, но и к голосу разума. А он ему уже столько времени талдычит, что существуют не только сердечные дела, но и интересы отечества. И в интересах их королевства будет заключение этого династического брака. И тогда злобные соседи с запада, прикусят своё хлебало и не полезут к ним, пробовать их завоевать.

И король-батюшка делается в лице суровым и неприступным для слёз своей дочурки кремень-человеком. – Как я сказал, так оно и будет. И это даже не обсуждается. – Собрав воедино в кулак силы, король-батюшка для придания веса собой сказанному, врезал им себе по коленке. В результате чего довёл принцессу до морозного недоумения в лице и в его сторону. А король-батюшка всё-таки в душе не тиран и не деспот, а он только для своего уважения и непререкаемости своей власти, иногда тиранит своих придворных, угрожая им муками ада не на том свете, а в специальных камерах в подземельях замка, где выразительно выглядящий палач (рожа у него что надо), дон Антонио, очень под это дело подходит, вгоняя в ступор мыслей придворных (ну, иногда, когда его достанут, то он проводит общественные порки провинившихся придворных, где с них прилюдно снимают портки и розгами по задам как следует надают).

И король-батюшка, дав небольшую слабину, говорит принцессе Аннет. – Так хоть попробуй. Поговори с ним. Может он такой бука оттого, что ему не с кем было поговорить по душам.

– Я попробую, папа. Но только ради вас. – Смахнув рукавом платья слёзы с глаз, холодным голосом сказала принцесса и через книксен покинула кабинет короля-батюшки, который следуя навстречу перспективам сближения со своими новыми родственниками из королевства Чарльза Третьего, переименовал своё царское звание Царя-батюшки для всех своих подданных, в иноземного короля-батюшку. Что в малой степени вызвало непонимание в головах его подданных, в немалой негодование среди другой части подданных, и не выраженную пока никак смуту в головах людей только формально подданных, а так-то они люди свободные и ради благополучия своего отечества платят ему подати. – Это как это понимать нашего Царя-батюшку, с такими его перекосами рассуждений. Он что, решил преклонить голову перед нашим супротивником и людьми не нашего поля ягоды. Сегодня он назвался по-ихнему, королём, а завтра, что ещё ему придёт в голову, чтобы потрафить этому принцу Чарльзу с расстройством личности по-ихнему, а по-нашему куда как проще объясняется: не находит себя человек, вот и не сидится ему на месте в одном качестве.

– И вот если этот Чарльз уразумеет своё такое понимание по-нашему, то он, пожалуй, имеет шанс на своё принятие нашим отечеством. – Примерно так рассуждали соотечественники Царя-батюшки, в ожидании вестей из дворца. Где вся надежда была на всеми обожаемую принцессу, кто уж точно не поддастся на чары заморского принца и будет следовать тому, что ей подскажет её сердце. А оно точно неподкупно и его не обманешь ложными посылами в целесообразности принятия вот этих подзаконных актов, поверх брачного контракта, которые снимают все ограничения для продвижения интересов подданных принца Чарльза Третьего.

– Ну здравствуйте, принц Чарльз, и не пойму я никак, почему третий. – Вот с такой прямолинейной простоватостью встречает этого принца Чарльза Третьего у себя в апартаментах по иноземному, а так-то в светлице, принцесса Анюта, а никак не Аннет – уже не нужно объяснять, почему возникли все эти именные метаморфозы: всё по воле Царя-батюшки, с дуба рухнувшего по мнению людей дремучих, с печки головой об пол треснувшегося по верному заверению людей домашнего склада ума, а может и рехнувшегося, как поставили тайный диагноз ему заговорщики, уже и думать уставшие, чтобы ещё такого придумать, чтобы Царя-батюшку сместить с трона (вот откуда появился, а затем заявился сюда этот принц Чарльз).

А этот принц Чарльз Третий, что за рожа такая не пробивная и непроницательная на чувства и эмоции, да к тому же очень противная для принцессы Анюты, ни в счёт не ставит принцессу и свою рожу поганую оборачивает к стоящей чуть сзади и поодаль, светской даме

из числа его делегации. И в присутствии принцессы начинает с ней изъясняться на совершенно незнакомом для принцессы Анюты языке. И тут даже если ты не принцесса, а самая обычная девушка на выданье, то ты начнёшь сомневаться в здравомыслии этого Чарльза Третьего, который не только приволок на эту встречу всех своих бывших девок (а кто ж они тогда?), но ещё таким изысканнейшим образом издевается на ней.

Они таким образом, на глазах принцессы между собой шашни крутят, а она дура душой стоит. – Эта дура принцесса не образованна нисколько и нашими высококультурными языками не понимает, чем и мы будем пользоваться, дорогуша, – обращаясь к своему переводчику, светской даме и по совместительству любовнице, вот что задумал извращённый, взращённый на всякой просвещённой пакости ум Чарльза Третьего, по жизни и с виду сухостоя, кто физически и ни на что не был способен, что думать ему иначе не мешало, а также вот замышлять интриги он был горазд.

И тут уж без особых вариантов со стороны принцессы Анюты, в один момент взорвавшейся от возмущения. – Это как вас, принц Чарльз, ещё понимать?! – подскочив со стула, вознегодовала на всю светлицу принцесса Анюта. – Что вы эту потаскуху, в случае моего согласия на ваше предложение, с собой в нашу опочивальню захватите. Чтобы она там с вами, извращенцем, была заодно. Так вот на что вы в итоге рассчитывали, и теперь мне понятен смысл вашего имени без ваших лицемерных объяснений. – На этом месте принцесса Анюта набирает в грудь побольше воздуха, чтобы истерично докричаться до папеньки, – а принц Чарльз в непонимании и растерянности смотрит на так взорвавшуюся принцессу, и только та светская дама, кто потаскуха и ладит и с нашим языком, в напряжении начала назад пятиться, – но не успевает всех тут своим громоподобным криком поразить. А всё потому, что Царь-батюшка по-нашему, был в курсе всего происходящего в её светлице.

И Царь-батюшка, всё это время претерпевая неудобства своего положения, стоя уперевшись ухом к двери, ведущую в светлицу принцессы, где ему не только не всё было отчетливо слышно, но и на пути к пониманию происходящего в светлице стояла шероховатость и занозы с двери (падлу, столяра, казню), как только такое жуткое предположение в устах принцессы услышал, то в момент взбеленился, и выскочив с бешеным видом из дверей, прямиком рукой до уха принца Чарльза. Где он начинает ничего непонимающего Чарльза Третьего трепать за его ухо, вода по светлице, и приговаривать:

– Ах ты, паскудник. Чего тут надумал. Прикрываясь своим именем, решил наводить тут свои позорные порядки. Я, конечно, слышал, насколько опаскудилась ваша норма и цивилизация, и какие вы, тьфу, просвещённые этой вашей бессовестной моралью, и я даже закрыл глаза на эту срамоту на ваших ногах, – Царь-батюшка бросил уничижительный взгляд на ноги принца Чарльза Третьего, слишком отвлечённого на своё ухо, чтобы что-то замечать другое, тьфу-сплюнул и с оговоркой на местные обычаи пошёл дальше крыть принца Чарльза, – одели на себя бабские колготы и задом виляют, думая, что это здорово и всем нравится. А как по мне, и другими благочинными людьми с разумом, глядя на эту срамоту видится, то куда чинно и благоразумно в такой-то мороз на улице будут выглядеть подштанники на тебе, или на худой конец кальсоны.

В общем, вывел Царя-батюшку принц Чарльз Третий своей необдуманной позицией, а затем вывел себя рукой Царя-батюшки за собственное ухо из светлицы и дальше пинком под зад от всего сердца всё того же Царя-батюшки.

Но не долго принцесса Анюта радовалась такому исходу встречи с принцем Чарльзом Третьим, который на время затаился в своём посольстве, где собрал всех своих советников, чтобы начать выработать новую стратегию по заполучению в жёны принцессы. – Я не потерплю отказа! – вот так обосновывал свою настырность и настойчивость принц Чарльз Третий. И надо отдать ему и его упрямству должное, он практически всегда достигал поставленной им цели.

– Все бабы дуры, а в особенности принцессы. Ведь для любой благородной дамы и просто светской львицы, я уж не говорю о золушках, уже за счастье встретиться с принцем. А эти принцессы, по причине всего-то своей избранности их природой, перепрыгнули эту ступеньку к своему счастью, и теперь свои носы задирают. Даже перед нами, чистокровными принцами. – Прохаживаясь вдоль стола, где свои места заняли советники, дворцовые люди и другие важные вельможи, вот так, с наличием горечи в словах и лице, объяснял свой провал в деле охмурения принцессы принц Чарльз Третий. Где он остановился у председательского места и изучающим взглядом посмотрел на своих советников, выявляя среди них несогласных с этим заявлением. И, конечно, особенным вниманием он выделил герцога Мальборо, имеющего вечно недовольный вид и оттого подозреваемого в изменнических мыслях.

– Вижу, сэр Мальборо имеет особое мнение на принцесс. – Заявляет принц Чарльз Третий, переведя всё внимание на сэра Мальборо. Ну а сэр Мальборо, что уж тут утаивать, и вправду испытывал некоторый дискомфорт при правлении Чарльза Второго (папаши Чарльза Третьего), который не совсем по праву занимал свой династический пост. А всё потому, что сэр Мальборо и сам был на треть Чарльзом, и при этом готовым раньше родиться, нежели пока здравствующий Чарльз Второй, подвинувший его в их общей материнской утробе: сэр Мальборо был братом близнецом Чарльза Второго и поэтому был страшно ненавидимый Чарльзом Третьим, и Вторым тоже.

Ведь он запросто мог бы доказать своё первейшее право на престол при объективном освещении этого доказательства, и если бы суд был независим от воли власть предержащих. Ну а пока всего этого нет, то он склонен воле изъяслять верноподданнические чувства и только иметь особое мнение на правление династии Чарльзов, в частности Чарльза Второго.

– А почём мне знать, если я всего лишь герцог, и дел не имел ни с одной принцессой. И вам принц Чарльз Третий, виднее. – Герцог Мальборо большой мастер дворцовых интриг, как всегда ловко уходит от прямого ответа. Ну а Чарльзу Третьему только и остаётся, как поддеть сэра Мальборо оскорблением. – Да, я и забыл, сэр Мальборо, что ваш потолок, это герцогини, и никак не принцессы. – С ехидцей говорит Чарльз Третий, вызывая смешки со стороны советников и, заодно погружая сэра Мальборо во внешнюю бледность и глубинную темноту мыслей.

А между тем совещание продолжается и в итоге разрабатывается новый план. Где его советники, войдя в контакт с прихлебателями с царского стола, а также с теми, кто имеет доступ в палаты царские и кто не обременён совестью, а вот наличием насущных нужд и связанных с ними долгами, то сколько хочешь, кого много чего обещающим словом убеждают, кого подкупными заверениям направляют на путь истинный, и как логичный результат, они настраивают Царя-батюшку на мировую. А там и до встречи один на один, один шаг. Что в итоге приводит к этой встрече, где принц Чарльз Третий так вывернулся, что смог убедить Царя-батюшку в своей невиновности и получить от него ещё один шанс быть в глазах вашей, наикрасивейшей из всех принцесс, счастливейшим из людей.

А Царь-батюшка от таких слов хитрющего принца Чарльза Третьего умилоствился и даже обрадовался тому, что всё так с первого раза не сложилось, когда оценил принесённые Чарльзом Третьим подарки. – Хе-хе. Ловко ты тут изъясняешься. – Рассмеялся Царь-батюшка, и обнадёжил Чарльза Третьего тем, что обещал поговорить с дочерью.

Ну а принцесса Аня только сперва ничего слышать не хотела о новой встрече с этим, столь настырным и дотошливым принцем Чарльзом Третьим. И только Царь-батюшка приготовился её проклясть, а для начала заточить в самую тёмную горницу, без связи с внешним миром, и сама понимаешь мою строгость, без любимых тобой конфет, как она к полной его неожиданности соглашается. – Но с одним условием. – Добавляет принцесса Аня, и было успокоившийся Царь-батюшка, сразу улавливает в этом некий подвох с её стороны.

– Не иначе кто-то её на это надоумил. – Сообразил Царь-батюшка, и прищурившись, искоса посмотрев на принцессу. – Новости в царских палатах распространяются во мгновение

ока, и не успеешь чихнуть на своей стороне, как уже в пыточной между собой узники и палачи шепчутся и делают свои выводы из моего чиха. «Не иначе Царь-батюшка сердчат на нас за то, что мы не слишком усердны в нашем пытливом деле», – вот так соображают думать пытливых дел мастера, накаляя сверж мочи щипцы, которыми они будут вытягивать всю правду матку из этих попавшихся на своём неблагоприятном поведении смутьянов и разгульников лихой мысли. А те и готовы может быть пойти навстречу Царю-батюшке в итоге, и его больше не сердить, да вот только они уже не знают, что на себя наговорить такого, чтобы душа Царя-батюшки успокоилась.

А между тем, в этом доразумении Царя-батюшки была своя крупица истины. И принцесса Аня не одна дошла до таких своих мыслей и затем предложения условия для встречи с Чарльзом Третьим, у кого шансов быть ей хотя бы приятней несколько не прибавилось, а когда она услышала, что он опять заявился, то и вовсе заподозрила себя в ненависти на его счёт. А для начала скажем, что есть ещё в нашем царстве-государстве люди, кто не держит нос по ветру, с благоволением преклоняя свою голову перед носителями этого ценностного поветрия, которое захватило в тиски своего обдуривания первые умы государства вслед за Царём-батюшкой. И эти люди благочинные и обстоятельные, радеют всем сердцем за свою отчизну и видят её самобытной и своенравной, коя и сама кого хошь уму разуму научит.

И во главе всех этих людей, только отчасти супротивников царской воли, стоял видный боярин Андрос Сукин. При этом надо понимать его боярскую душу, и он помимо того, что сильно радел за свою отчизну, так же радел и за своего непутёвого сына, Митрофана. Где ему было сильно за неё обидно в том плане, что она несмотря на все его старания, обходит царскими милостями и благами его сына. И хотя он может и баламут, и бунтарского характера, когда его оторвут от его любимого занятия, прохладиться на сеновале, всё-таки это ещё не повод списывать его со счетов. Митрофанушка, парень даровитый внешне, и считать и писать умеет, а также при силе убеждения в кулаках, так что не совсем пропащий. Так что ему нужно только дать возможность проявить себя, и он себя покажет. А вот руганно его звать, сукин сын, то за это Андрос Сукин будет строго наказывать.

И вот этот Андрос Сукин, оплот староверческой государственности, как и все знаковые люди в царских палатах, имел в них людей у себя на службе, кто и поставил его в известность о новой попытке этого Чарльза Третьего, взять измором всеми любимую принцессу Аня.

– Не бывать этому! – в ярости вскричал Андрос Сукин, чуть не вырвав всю бороду у своего служивого человека. Ну а дальше Андрос Сукин выпускает из рук своего тайного осведомителя и уже наедине с самим собой разрабатывает план по нейтрализации этого настырного принца Чарльза Третьего. – И надеюсь последнего. – Во как далеко заглянул Андрос Сукин в своём планировании по противодействию планам Чарльза Третьего. Ну а дальше... А дальше Андрос Сукин на прямую ни во что не вмешивается, а через подставных лиц действует и доводит до принцессы одну интересную мысль, которая оформляется ею в выдвинутое ею условие.

– И что это за условие? – отчасти радуясь за твёрдость характера Аня, а отчасти проявляя уже свою царственную волю, не терпящую строптивости поведение в свою сторону, не без хитрости в глазах задался вопросом Царь-батюшка для всех людей в государстве, а не только для Аня.

А Аня всё-таки дочь своего отца, и она прекрасно его знает, и о чём он сейчас догадывается, так что ей приходится включить весь свой артистизм, чтобы быть для него убедительной.

– Не стану повторяться, указывая на то, как он мне стал ещё больше противен после этих его гнусных предложений, и ни одна приличная девушка больше бы его на порог своего дома не пустила. – Здесь принцесса Аня вздыхает над своей подневольной участью, где она должна идти супротив нравственных установлений, свойственных их народу, и всё ради и не пойми чего и кого с сомнительным и унылым, даже не лицом, а физиономией. После чего искоса

смотрит на Царя-батюшку, кого страдальческим и сопливым видом не убедить в обратном, и переходит к сути своего условия.

– Но раз я должна быть во благо своего отечества принесена в жертву политической целесообразности и отдана на растерзание этого циничного типа, прикрывающего всю свою поганость новым осмыслением реальности, то и мы должны сохранить лицо. Где мы не безусловно принимаем их предложение, тем самым выказывая свою слабость, а он должен проявить свою достоинство меня. – На одном дыхании высказала принцесса.

– И что ты предлагаешь? – захваченный в оборот внимания напором принцессы, тут же задался вопросом Царь-батюшка.

– Раз он заверяет, что он во мне не ошибся и ему нужна только такая как я, – пустилась в объяснения принцесса, а Царь-батюшка не может не заметить, откуда она знает эти упомянутые ею подробности из его разговора с Чарльзом Третьим. Где он так ловко увёл разговор от себя, типа признав свою ошибку при первой встрече с принцессой, и где в качестве доказательства её признания, вымолвил на родном Царя-батюшки языке пару слов (чем и растрогал его на милость), что Царь-батюшка и не заметил, как разговор перешёл на личность принцессы. Где Чарльз Третий никаких льстивых слов не пожалел, в том числе и от самого себя, – я её абажайю, – чтобы склонить Царя-батюшку к нужному для себя предложению (а в завершении этой встречи и было высказано о том, о чём сейчас сказала принцесса, возможно проговорившись).

А принцесса, между тем, говорит, то есть озвучивает своё условие. – То пусть он продемонстрирует это прилюдно.

– Как это? – спрашивает Царь-батюшка.

– Я с подружками накинем на себя одинаковые одежды, прикрывающие наши лица, и пусть он меня среди них отыщет. И если он так уверенно заявляет, что он во мне не ошибся и меня ни с кем не перепутает, то ему не составит особой сложности меня отыскать. – С непоколебимой уверенностью, что Чарльз Третий быстрее отступится от неё, чем решится на это дело, а если и решится, то никогда её не найдёт, принцесса Аня с вызовом смотрит на Царя-батюшку. Ну а тот всё это дело в её глазах просёк, вновь обрадовался такой настырности своей дочки, – вся в меня, а кто-то всегда был, а теперь уже буквально безголовый, в этом сомневаясь, – да и решил, что пока что негоже принцессе быть хитрее своего батюшки.

И он в свою бороду хитроумно ухмыляется, а сам тем временем никак не выдаёт себя и того, что он догадался, чего добивается принцесса, и с простодушным видом, очень свойственным их династической фамилии, – особенно впечатляюще эта простодушность смотрится при вынесении им смертного приговора: «Во как?! А я и не догадывался», – обращается к принцессе со встречным предложением. – Что ж, вполне резонное требование. – Добавив рассудительности в тон своего ответа, говорит Царь-батюшка, поглаживая свою бороду, что верный признак того, что он что-то наиковарнейшее задумал. К примеру, рубить бороды у своих подчинённых, кто под отстал в своей образованности и не силён в математике, не удосужившись подвести точный расчёт количеству волос в своей бороде.

– Хм. Непорядок. – Заявляет Царь-батюшка, огорчённо насупившись на очередного охальника, боярина Коромыслова, яро и никак не признающего в том, что своими, с кондачка, необъяснимыми действиями, нанёс, ладно бы экономический (кто не без греха стяжательства в своём приходе), но он нанёс репутационный урон отечеству, – в присутствии посла одной ненавистой всем сердцем Царя-батюшки державы, фона Потрёма, смел огрызаться и утверждать, что счёту, как надо обучен, а все эти недоразумения возникшие при расчётах с этим контрагентом, то это сопутствующий всякой торговли фактор, да и сами же своим сурьёзным видом подначивали меня обсчитывать купцов недружественного государства, кого представляет посол фон Потрём, и при этом гад указывает на посла, – а это всё требует не давать спуску купцу Коромыслу. И купец Коромыслов, хоть и потрафил Царю-батюшке, объегорив купцов недружественного государства, но нельзя же быть столь не проходимо дремучим, без всякой

дипломатии указывая пальцем на Царя-батюшку, как на того, кто был мозгом всей этой операции: насолить фон Потрёму.

«До чего же противная у него рожа! И уж слишком довольная в последнее время», – вот так по-тихому, дипломатично дал понять купцу Коромыслову Царь-батюшка, что он будет очень не против и даже очень доволен, если он ещё заработает на поставках соли и сахара государственному образованию, которое представлял собой фон Потрём.

Ну а по-тихому не вышло обсчитать этих крикливых фонов, и Царь-батюшка вынужден принимать решение по обеспечению справедливого порядка в своём царстве-государстве. Где он с суровым видом и укоризной качает головой в сторону купца Коромыслова, так не оправдавшего его доверия, – вор и сукин сын ты Коромыслов, а не ближайший мой сподвижник и правая рука, – и рукой проводит по одному из мест в своей бороде и тем самым даёт понять палачу, а также всему своему придворному люду, насколько он его достал и невыносим ему отныне.

И купца Коромыслова немедля под рученьки хватают, и доводят его до места казни, плахи, как бы он не упирался ногами и матами в сторону венценосных особ. – Да я вас всех в одном месте видал! – вот так прямо орёт этот заблудший сын отечества, Коромыслов, вызывая столько вопросов у представителей недружественных держав, того же фона Потрёма. – Кто сей смельчак? – на ухо маркизу фону Плюжуру, задаётся этим вопросом фон Потрём, уже задумавший сойтись в разговоре, а затем в цене с Коромысловым, поставив его во главе оппозиции к Царю-батюшке.

И фона Потрёма несколько не беспокоит то, что по словам маркиза Плюжура, этот Коромыслов первая каналья и как есть обдерёт вас как липку. И он поддавливает этого оскорблённого по самый свой подбородок, без бороды Коромыслова, и заверяет того, что тот очень достойно выглядел, прижатый ногой палача на плахе, а то, что он ревел, как белуга и мочился в штаны, то никто от спазмов организма не застрахован. – Такие как ви люди, нам нужны. – Заявляет фон Потрём, а Коромыслов, ещё находясь в раздумье, в качестве неопределившегося царедворца, хоть и в опале, даёт понять фону Потрёму, что он подумает над его предложением (торгуется гад). На чём они расстанутся, будучи каждый в своём уверении, и затем бегом, кто до своего куратора в посольство, а кто напрямиком к Царю-батюшке, всё это дело так ловко проворачившего. Где он и товар залежалый сбыл с прибылью, и своего человека записал в доверенные лица чуждого государства.

Но это всё дела политические, тогда как сейчас Царём-батюшкой решаются вопросы семейного характера. И здесь нужно проявить не меньшей изобретательности и хитрости.

– И как я понимаю, – рассуждает вслух Царь-батюшка, поглядывая искоса на принцессу, – то принцу Чарльзу Третьему должен составить конкуренцию кто-то из наших соотечественников, достойных отстаивать честь отчизны. Всё верно? – уперевшись взглядом в принцессу, спросил её Царь-батюшка.

И, конечно, это так, и даже больше. О чём принцесса пока что не решается сказать Царю-батюшке, очень ревниво относящемуся к такому самоволию с её стороны, и принцесса только кивает согласно головой. Что, между тем, не отменяет подозрений Царя-батюшки в эту ревнивую сторону. – Так вот в чём всё дело! – Царь-батюшка даже на мгновение задохнулся от этих своих, на злобу дня мыслей. – Кто-то из боярского окружения надоумил принцессу не смотреть в сторону перспективного брака за иноземных принцев, и убедил искать личного счастья в своём отечестве. И кто эта собака может быть?! – вознегодовал Царь-батюшка, принявшись перебирать в уме лица своих боярских соратников и столпов отечества, где он особенно выделил и начал приглядываться к боярам Собакиным, одних из самых родовитых бояр.

– А может это Грязновы? – придержав Собакиных на десерт, Царь-батюшка своим взором обратился к тем из бояр, кто ближе к нему по памяти стоял. – Запросто, эти ни перед чем не остановятся, чтобы подняться вверх по ступенькам власти. – Царь-батюшка сделал для себя

заметку и перешёл дальше к рассмотрению своего окружения, насчёт которого у него никогда не было никаких иллюзий, но на этот раз они все границы приличий переступили своей готовностью не отказать в родстве с его фамилией, а это ни в какие ворота не лезет (вот же чего охальники надумали!).

– Неужто, это Сукин сын? Как там его? Ах да. Митрофанушка. – Аж присел в себя Царь-батюшка от таких представившихся ему напоследок перспектив, и его рука сама потянулась к специальному колокольчику, по зову которого вызывался палач. Но видимо эта мысль была слишком невероятной, что Царь-батюшка не стал звонить во все колокола и не требовать немедленной расправы над этими ослушниками, возмнившими себе столь невозможного. А он быстро всё пришедшее ему сейчас в голову осмыслил и обратился к принцессе.

– Что ж, пусть будет так, как ты хочешь. И я принимаю твоё предложение. – Царь-батюшка своим согласием чрезвычайно радуется принцессе Анята. И она, сделавшись сама послушной, пообещав Царю-батюшке с этого момента ему ни в чём не перечить больше, уже было собралась его покинуть, как Царь-батюшка вдруг вспоминает то, что он и позабыл ей сразу сказать. – Да, кстати. – Уже на пороге, по выходу в дверь, Царь-батюшка останавливает принцессу. – Ты ведь знаешь, что где есть приз, то там всегда присутствует расплата за свои ошибки.

– Это вы о чём таком говорите, Царь-батюшка? – в одно мгновение побледнев в лице, задаётся вопросом принцесса Анята. А Царь-батюшка явно специально не сразу даёт ответ, а он, выждав момента, когда принцесса вся изойдётся от нетерпения и начнёт проявлять крайнюю свою вовлечённость в предстоящее мероприятие, даёт ей ответ. И, конечно, не прямой ответ, где всё чётко и без лишних слов расставлено по своим местам, а он начинает туманно рассуждать.

– Мы, конечно, как бы у нас руки не чесались, казнить принца Чарльза Третьего не будем, в случае если он ошибётся в своём выборе. Нет у нас таких полномочий, да и международного скандала не избежать, хоть он и заслужил плахи. Надаём ему лещей, подзатыльников, да и пинком под зад из государства без права въезда. Но вот такой милости от меня не стоит ждать решившему принять участие в этом конкурсе нашему соотечественнику. – Царь-батюшка горестно тут вздохнул. – Не имею я право проявлять по отношению к своему соотечественнику никаких поблажек. И не просто поблажек, а он будет в двойне наказан, окажись на его месте инородец, представляющий собой чужое отечество. Так что знай, что в случае неправильного выбора, этого смельчака будет ждать плаха.

И понятно, что у принцессы Аняты нет никаких хороших слов в сторону своего деспотичного батюшки, вон что тут надумавшего: типа, если второго претендента на её руку не найдётся, то победа засчитается за Чарльзом Третьим, в чьи руки и уйдёт выигрыш – принцесса (вон как ловко всё обставил первый царедворский интриган, Царь-батюшка). А как только потенциальные претенденты её руки и приданного в виде царства после смерти Царя-батюшки, из среды её соотечественников, услышат эти условия Царя-батюшки, – голову с плеч на одной чаше весов, а на другой, моё царство, – то тут же возьмут паузу, чтобы как следует одуматься от этого поспешного шага, и знаем мы этого ловкача Царя-батюшку, он всех нас тут переживёт. «Даже по надуманному предлогу», – у одумавшихся царедворцев аж сглотнулось от таких тревожных мыслей. Так что все решают подождать и посмотреть, что из всего этого выйдет.

А принцесса Анята, в раз догадавшись, куда клонит и к чему её подталкивает Царь-батюшка – в сторону сухих и не живых отношений в браке с принцем Чарльзом Третьим, – начинает пререкаться с Царём-батюшкой.

– Я несогласная на такое смертоубийство. – Вспылив в лице, заявляет на все палаты царские принцесса Анята. – Одно дело, если человек по твоей вине теряет покой и от сердечной тоски в петле усыхает, а другое совсем дело быть прямой причиной для такого ухода из жизни человека нашего умпостроения. В общем, всё отменяем. И точка. – А вот в конце своего

заявления, принцесса, так категорично заявив, явно поспешила и не подумала о том, к чему может привести такая её настойчивость.

А Царь-батюшка, всё это с завидным хладнокровием заслушав, хотел было только напомнить принцессе, кто в их царстве-государстве обладает правом давать и забирать слово, а также право вето на самое последнее слово, если ты, конечно, не приговорённый к смерти слушник государева слова, но тут принцесса ставит эту точку в своём заявлении, которая прямо-таки указывает на то, что она забывается, так себя вознеся в праве оставлять за собой последнее слово. А в таких делах Царь-батюшка жестокосерден и непреклонен, и не даёт никакой поправки даже самым близким своим родственникам, – таковы все женщины, что с них возьмишь, – и он с гневным лицом ничего больше слышать от принцессы не намерен. – И как я сказал, так оно и будет! – грозно заявляет Царь-батюшка, подскочив на ноги с трона и, никакой жалости в глазах в сторону принцессы.

А если та, как по её строптивому виду видно, будет продолжать настаивать на своём, то тогда вместе с принцем Чарльзом Третьим примет участие не самый родовитый из его царедворцев соотечественник, а первый что ни на есть встречный, чуть ли не мужик. – Так я сказал и точка! – заявил Царь-батюшка, грубо и с вызовом посмотрев на принцессу – ну и чья точка будет крепче?

– Как скажите, батюшка, так и сделаю. – С таким несчастным видом промолвила это принцесса, что сердце Царя-батюшки, всё же не каменное, получило для себя кровоточащий удар. Но он с каменным лицом держится и не даёт слабину. И тогда принцесса, теперь для неё всё за своего жесткого отца ясно, с заплаканными глазами бегом сглаз долой от такого бессердечного батюшки. Кто только о благе государства радуется, а о ней нисколько. И это не просто её досужие мысли по следам произошедшего, а истинная правда.

И Царь-батюшка не просто так вот так надумился вовлечь во всё это дело первого встречного, в число которых не просто может попасть, а так оно и выйдет, человек из мужицкого сословия, кто и ковырять в носу этикетом не обучен и своими мужицкими замашками будет подавлять всякий авторитет принцессы. А всё лишь для того, чтобы принца Чарльза Третьего поставить в не простейшее для его высочества положение – на одну доску с мужиком.

И хотя принцесса Анюта совсем не против рассчитаться за всё-всё нехорошее с Чарльзом Третьим, но не за свой же счёт. И поэтому это предложение Царя-батюшки не было ею принято. Что также можно было отнести и к боярину Сукину, и задумавшему всю эту хитроумную комбинацию с прятками принцессы. Где итоговым выгодополучателем должен был оказаться Митрофан, его сын. Кто и должен был, наравне с Чарльзом Третьим, принять участие в этом конкурсе на соискание, конечно, не принцессы, – это всё формальность, – а достойного правителя их отечества, царства-государства, во главе которого не вечно же быть Царю-батюшке.

И вот когда боярин Андрос Сукин, посчитав что дело сделано, уже потирал руки, все пальцы в перстнях (у Андроса Сукина в каждой палате есть уши, а где нет, то там он сам прикладывает своё ухо к щели в стене или суёт в неё свой нос), то тут-то Царь-батюшка и огорошивает его такой, охренеть можно сразу, новостью о том, что будет ждать его сынка в случае не верного выбора.

– Ну, Царь-батюшка! – в сердцах вознегодовал боярин Андрос Сукин, проявляя при этом должную скромность и осторожность в высказываниях. Правда не без того, чтобы не удержаться и себе в бороду не сказать: «И надо же так держаться за трон, что и не подвинуть его никак простой хитростью».

– Ладно, решим и эту задачку. – После некоторого раздумья порешил Андрос Сукин, глядя в окошко на выбежавшую из царских палат принцессу и прямоком в рощу, чтобы там забыться и поплакаться над своей несчастной судьбой под щебет птиц и дуновения ветра. Где она в итоге, так уж сложились невероятные стечения обстоятельств, отлучившись в забыты

и зайдя слишком далеко, и сталкивается лоб в лоб с Тёзкой, кто и сам пребывал в похожем состоянии духа, что видимо и столкнуло их на узкой дорожке.

Ну а как только умопомрачительное головокружение, со звёздочками по сторонам, вызванное этим столкновением, их немного отпустило и они пришли в себя почему-то не в стороне друг от друга, а рядышком и при этом удерживаемые обоюдно руками, то они вначале с любопытством посмотрели на того, кто так не разбирая дороги спешит и на кого это каждый из них тут натолкнулся, а как только убедились в том, что это даже интересно, то слегка смущились, заметив, что находятся, хоть и не в объятиях на прямую, а в крепкой ручной связки друг с другом. Отчего они только рефлекторно отказываются и отступают в стороны друг от друга, и ... Тёзка берёт первое слово.

– Прошу прощение за то, что раньше вас не мог встретить. – Явно не зря вот так оговаривается Тёзка. Что очень нравится принцессе. Но она виду не подаёт, чтобы раньше времени не слишком сильно радовать этого интересного молодого человека, кто ей тоже раньше нигде не встречался.

– Странно. – Показушно удивляется в ответ принцесса. – Я здесь часто гуляю.

– Тогда и я буду здесь гулять в тоже время, что и вы. – Несколько дерзко выказывает своё решение Тёзка, даже не спросив незнакомку о её позволении гулять с ней вместе. Но принцессе видно нравится такая прямота Тёзки, и она не высказывает прямых возражений. А вот косвенно поинтересоваться о том, насколько достоин незнакомец и отвечает роли попутчика для начала по этим тропинкам, то это просто необходимо.

– А мне с вами не будет скучно? – интересуется принцесса, искоса поглядывая на Тёзку. – Может вы только и знаете, что о себе всякие героические истории рассказывать.

И, конечно, Тёзку переполняет возмущением от такой несправедливости в свой адрес. – Да чтобы я ни во что не ставил интересы и желания прекрасной незнакомки, да никогда не быть такому. – Без всякой оглядки назад, вот так своевольно, к горечи всё это представляющей Клавы, заявляет Тёзка. И как бы Клаве не было неприятно и горько это сейчас осознавать, а Тёзка нисколько сейчас в хвостовстве и для того, чтобы впечатлить незнакомку, не заговаривался. И эту искренность в нём почувствовала и принцесса. А как пришла в такие чувства, то вдруг обнаружила, что ей как-то волнующе и неровно дышится рядом с этим незнакомцем, о чём бы его ещё таком спросить, чтобы пощекотать свои нервы.

– А вы, как я погляжу, не слишком скромны на комплименты. – Замечает принцесса. А Тёзка чуть ли не оскорблён этими словами незнакомки. – Не знаю, что вы там про меня вообразили, но я и думать не думал вам врать. Да и зачем мне это. Ну а то, что я заметил в вас необыкновенную красоту и назвал всё как есть, вещи своими именами, – вы для меня были и остаётесь прекрасной незнакомкой, – то таков я прямолинейный человек. Уж не обесудьте. – Тёзка с таким напором всё это говорил, что принцесса подпала под эту его полную обаяния напористость и ей захотелось закружиться в голове от... Но тут откуда-то сзади до них доносится треск веток, указывающий на то, что там кто-то за ними идёт, проследивая путь принцессы, и принцесса в испуге одёргивается и чуть ли не прячется за спину Тёзки.

А в Тёзке, при виде такой испуганной незнакомки, сразу же разыграло отвага, и он с вызовом, зорко посмотрел в сторону раздавшихся звуков чьего-то присутствия, и прежде чем встать грудью на защиту незнакомки, чтобы только оценить обстановку и получить информацию о том, что там его ждёт, спрашивает незнакомку. – Вас кто-то преследует?

– Да. – Уже полностью спрятавшись за спину Тёзки, обдав его спиной тёплым дыханием, сказала незнакомка. Ну а когда тебе так тепло и внушаемо на всякие безобразные мысли дышат в спину, то ты готов горы свернуть ради такого тыла за своей спиной. Так что принцессе можно было не опасаться того, что Тёзка передумает ради неё, первой встречной для него, жертвовать собой и быть как минимум побитым. И хотя всё это так и со стороны Тёзки не может ожидать никаких отступлений, всё-таки он человек с мозгами, и он должен знать хоть какие-

то подробности о преследователях прекрасной незнакомки. Ну а чтобы её в чём-то нехорошем заподозрить, за что её, собственно, и преследуют, то Тёзка не мог допустить такой мысли.

Ведь прекрасная незнакомка по одному факту её красоты вне таких подозрений. Что есть для неё благо и напасть одновременно. Где она всю свою короткую жизнь при такой красоте преследуется со всех сторон. Либо недоброжелательницами и завистницами в лице менее интересного и не при такой красоте женского рода, либо коллекционерами и гастрономами красоты из мужского сословья. И Тёзка догадывается, кто бы это мог быть. Но он только догадывается и поэтому ему нужны хоть какие-то подсказки. Вот он и спрашивает незнакомку. – И кто это может быть?

Ну а принцесса только отчасти догадывается, кто бы это мог быть. Либо Царь-батюшка послал за ней стражу, чтобы она в забывчивости далеко не зашла в лесную чащу, а затем убежала от своей судьбы, Чарльза Третьего, либо это служивые люди боярина Андроса Сукина, через которых она держала с ним связь (Сукин обещал посодействовать ей в деле противостояния с Чарльзом Третьим). О чём ей, а также о том, кто она есть на самом деле, не хочется сейчас говорить незнакомцу раньше времени проверки его к ней чувств (принцессу-то каждый полюбит, а вот находящуюся в розыске опасными людьми беглянку, возможно и без паспорта тоже, а это значит дополнительные проблемы различного характера, то чем это не проверка истинных чувств) и она говорит лишь то, что считает сейчас нужным.

– Меня хотят без моего спроса отдать замуж за не любимого мной человека (а так я ещё нахожусь в поиске), вот я и бегу на край света от такой судьбы. – Несколько, конечно, патетично сказала принцесса, но так-то в общем, в точку. А Тёзка обернулся в её сторону, внимательно посмотрел ей в глаза, с придыханием смотрящих на него, да и не удержался оттого, чтобы не сказать, что он там, на краю света, никогда не был, и если она не будет против, то он составит ей компанию.

– Я не против. – Проговорила свой ответ принцесса, и как и должно благовоспитанной девушке, услышавшей в свой адрес такое многообещающее предложение, потупив глаза. Ну а раз она не против, то Тёзка не против свернуть горы и шеи её уже ненавистным ему всем сердцем преследователям. А те (как выясняется, то за ней по пятам идут несколько людей) между тем уже не таятся и голосом самого грубого преследователя начинают её звать. А так как прекрасная незнакомка ещё никак не представилась Тёзке, то он, услышав, как её зовут, нимало удивился этому её именованию.

– Принцесса! – голосил этот грубый человек. Чем вызывает на лице Тёзки вопросительное внимание в сторону незнакомки. А та про себя заклемила парой непрезентабельных слов боярина Сукина, кто и обладал этим грубым голосом, так преждевременно раскрывающий её истинное предназначение и лицо перед незнакомцем, и уже после этого находит пару объясняющих слов для Тёзки. – Для каждого отца, даже для тирана и пропойцы, его дочь принцесса.

– Угу. – Соглашается Тёзка и, повернувшись навстречу преследователям, с кулаками и со страшным лицом приготовившись их встречать.

И вот они, в количестве без счёта человек, вначале показываются, а затем заметив Тёзку, быстро сокращают между собой и им расстояние. Где первое слово, как сразу понял Тёзка, имеет их главный, человек массивного наружности, в ком никакого недостатка нет, а один только прибиток и щедрость к себе напоказ, хотя бы в перстнях на каждом пальце.

И этот тип массивной наружности, явно привыкши к тому, что все его с первого слова слушаются, а он только соизволит обращать своё внимание на эту пыль под своими ногами, без всяких приветственных церемоний, уперевшись изучающим взглядом в Тёзку, спрашивает его. – Ты кто таков? – А Тёзке естественно такой хамский подход к себе показался чрезмерным. И он с таким же пренебрежением условностями спрашивает этого хама. – А ты кто таков, раз позволяешь так задаваться вопросами? – Что вызывает оторопь и отчасти ошеломление в онемевшем лице этого массивного типа, в первый раз встретившего такой отпор. На этом

месте, как всеми вокруг понимается, боярин Андрос Сукин, а этим массивным типом был он, собрался испугать Тёзку грозным предупреждением: «Да я тебя, мужицкая морда...», но Тёзка его опережает своим ещё более дерзким заявлением. – Чего глаза вылупил. Не ожидал встретить достойного противника.

Здесь к охреневшему до последней степени боярину Андросу Сукину приходят на помощь его посадские люди, готовые по первому слову барина Сукина свернуть в бараний рог этого наглеца и не понятно им на что рассчитывающего (как-никак один против пятерых). – Андрос Силантьевич, только скажите. И мы из него отбивную котлету сделаем. – Заявляет самый великанистый подручный боярина Сукина, Емельян-темна голова. А Андрос Сукин и сказал бы, если бы Емельян так удивительно для него не испросил его соизволения проучить этого наглеца.

– И откуда этот Емельян, холопская морда, знает, как выглядит отбивная котлета, если питается крошками с моего стола и чего там с него на пол перепадёт? – В раз Андрос Сукин заподозрил Емельяна в неладном. – Никак заглядывает на хозяйский стол и может быть даже, пробует мои отбивные. – И так осерчал на Емельяна боярин Сукин, большой собственник, что слушать его не стал, а вот к своему противнику, наоборот, прислушался, и в его ответном заявлении услышал уважение к себе.

– Ты здесь никого не видел? – опустив вниз вопрос своего представления, Андрос Сукин задаёт новый вопрос. Который вызывает удивление в лице Тёзки, который оборачивается и ещё больше поражается, никого там не обнаружив.

– Нет. – Вернувшись к Андросу Сукину, искренне недоумевая, отвечает Тёзка.

– Ладно. – Даёт отмашку своим людям Андрос Сукин и они выдвигаются дальше.

– А кого вы ищете, если не секрет? – уже в спину Андросу задаётся вопросом Тёзка.

– Отчего секрет. – Удивляется Андрос, остановившись. – Принцессу.

– Принцессу? – неприкрыто удивляется Тёзка. Что заставляет Андроса задаться вопросом. – А что тебя так удивляет?

– А разве они ещё в наших местах водятся? – с долей усмешки, иронично спросил Тёзка. На этот раз заставив Андроса глубоко задуматься. – А ты значит, в этом сомневаешься? – спрашивает Андрос.

– Есть немного. – Продолжает иронизировать Тёзка.

– А как насчёт того, чтобы убедиться в их существовании? – уже подступая к Тёзке, спрашивает Андрос.

– А какой мне в этом прок? – спрашивает Тёзка.

– Ты, я вижу, человек не без своего интереса. – Усмехается Андрос. – Как смотришь насчёт полцарства для начала? – спрашивает Андрос.

– Сказки. – Отмахивается рукой Тёзка.

– А, вон какой у тебя расчёт. – Про себя рассудил Андрос, после чего с другой стороны заходит к Тёзке. – А как насчёт того, чтобы завоевать прекрасную девушку, кто принцесса к тому же?

– Заманчиво. – После некоторого раздумья, проговорил Тёзка. Ну а Андрос развивает свою мысль, вовлекающую всё дальше и глубже в его махинацию Тёзку. – А добиться своего признания в глазах принцессы, тем более такой прекрасной, не простая задачка. Ведь они всегда своенравны, слегка разбалованы и со своими принципиальными бзиками на жизнь в свете своего совершенства. Что, не побоишься попробовать испытать свою судьбу и сверить свою субъективную оценку с настоящей действительностью? – задаёт итоговый вопрос боярин Сукин.

– Готов. – Без раздумья дал ответ Тёзка.

– Это самый верный ответ. – Говорит довольный Андрос, и уводит за собой Тёзку, чтобы проинструктировать и подготовить его к будущим испытаниям по поиску принцессы. Где он утаил от Тёзки только одно – что его будет ожидать в случае не верного ответа.

А между тем, заинтригованный вызовом в царские палаты самим Царём-батюшкой принц Чарльз Третий, уже прибыл в них, и даже чуть раньше назначенного времени, что прямо указывает на то, как принц Чарльз Третий крайне заинтересован во всём этом деле, связанным с его сватовством к принцессе, – все знают и наслышаны насколько концептуальны в деле пунктуальности единоверцы принца Чарльза Третьего, где он наиболее шепетилен из всех своих соотечественников в этом деле. И такая его демонстрация поспешности, прямо указывает на то, как он нервничает.

– Мои титулованные родственники нисколько меня не жалуют уважением, и только и ждут момента, когда я оконфужусь. Вот же сволочи. – Всё больше разбалтываясь в себе, едя в карете по нещадно жёсткой и каменистой мостовой на эту назначенную Царём-батюшкой встречу, принц Чарльз Третий с ненавистью смотрел в лицо сидящего напротив сэра Мальборо. Где при виде его постного лица, так к горлу и накатывало желание покурить трубку, и как же без того, чтобы врезать этой трубкой тому по отъевшейся физиономии. И у Чарльза Третьего не просто так, по причине его самодурства и внутренней деспотии, свойственной всем династическим лицам, претендующим на престол, так чесалось в кулаках, а для такого его недовольства в сторону сэра Мальборо были все основания. Ведь сэр Мальборо первый из его родственников, кто будет испытывать искреннее удовольствие и даже смех за его спиной, если принцесса прокатит его в деле сватовства.

И при этом сэр Мальборо ещё будет считать себя правым и оскорблённым недоверием со стороны титулованных лиц, а в частности им, Чарльзом Третьим, кто понадеялся на свою самонадеянность и не стал слушать сэра Мальборо, уверявшего его в том, что сперва нужно по дипломатическим каналам заручиться согласием принцессы на брак, – если что-то с вашим изображением не выйдет убедительного, то подарками склоним её к этому решению, – а уж затем к ней ехать. Но нет, Чарльз Третий сам себе на уме, и если сэр Мальборо что-нибудь ему советует, то он специально поступит наоборот. Что в итоге и привело к тому, что он стоит сейчас в шаге от позора на всю просвещённую Европу.

Где все династические семейства, правящие, и так, занимающие своё светское место в жизни своих подданных, особенно те, кого Чарльз Третий оскорбил своим длинным носом, который он сверх меры задрал вверх и проигнорировал их принцесс, начнут между собой общаться, надсмехаясь над выскочкой Чарльзом Третьим, кого ни в счёт не ставит самое не просвещённое по династическим рейтингам царство-государство. Где Чарльза, по заслуживающим всякое уважение и доверие слухам, не просто отказом прокатили, а вначале вдоволь над ним по надсмехались, заставляя носить кальсоны вместо эксклюзивных колгот, где поверх всего этого облачили его в тулуп. Затем ополоумели его, залив в него изрядное количество водки, и давай его пускать в пляс с мужиками, чтобы в конце пьянки-гулянки с ними подраться, а затем разбитыми губами примирительно целоваться и всё это заливать новой порцией водки.

Что в итоге привело к тому, что принцесса Аннет выразила недовольство поведением пока что только со стороны Чарльза наречённого жениха. – А на кой мне такой лапотник, – надув губы, укорила павшего от бессилья и перепитья под стол Чарльза Третьего принцесса Аннет, – если его от нашего мужика и не отличишь. – Из чего так ничего и не понял мало что уразумеющий Чарльз Третий, на пути к пониманию которого стоял не только языковой вопрос, но и его паскудное состояние запредельного опьянения, где он перепачкался не только блюдами со стола, но и своими грязными мыслями-помышлениями, настоящими на цивилизационном просвещении, где нисколько не осуждается сказанное шепотом при столе слово не созданным для этого местом.

Отчего сразу и возникло недопонимание между Чарльзом Третьим, совсем не тихим шепотом, запустившим в компанию за столом эту словесность, и его собутыльниками из числа самых доверенных Царю-батюшке бояр – Григорием Собакиным, Феронием Горбатым и Андреем Воротынским. Ну а бояре, как только услышали, что себе позволяет за столом Чарльз Третий, кого они по заданию Царя-батюшки, с таким успехом привели в такое бесчувственное состояние, то сразу рассердились на Чарльза Третьего за такое его пренебрежение местными обычаями и гостеприимством.

– Мы к нему со всей душой, а он вон какой монетой за всё наше добро платит. – Прямо взревели бояре, а в особенности Григорий Собакин, кто осерчал на весь белый свет сердцем с тех пор, как Царь-батюшка перестал звать его дружищем. И то, что он на этот раз был позван, прямо указывало на то, что ему был дан последний шанс оправдаться перед Царём-батюшкой, кого ложными наветами склонили подозревать в нём заговорщика. И Григорий Собакин расстарался, чтобы доказать Царю-батюшке, что его рано списывать со счетов и он с любым иноземным супротивником справится, загнав его под стол.

Так что перед Чарльзом Третьим стояла непростая задача, когда он прибыл в царские палаты раньше назначенного времени. А Царь-батюшка как только услышал, что принц Чарльз Третий уже прибыл, а также последовавшее предложение Собакина, полностью себя оправдавшего в глазах Царя-батюшки и вновь приближенного к его венценосному персту, – давай его пинками выгоним на мороз, пускай там ждёт своего времени, – крайне всему этому обрадовался и на радостях проявил милость к принцу Чарльзу Третьему и не стал его гнать в одних колготах на мороз.

– А то всё там себе застудит, и раньше времени в качестве жениха забракуется. – Заметил Царь-батюшка, от души рассмеявшись. А Собакин его поддержал, не забыв заметить, что Царь-батюшка всегда зрит в корень.

Но вот принц Чарльз Третий до Царя-батюшки допускается, где он церемонно раскланивается в приветствии и с тухлым видом смотрит на Царя-батюшку и ждёт своей участи. А Царь-батюшка, пребывая в приободрённом состоянии духа, как только увидел всё то, что тут церемонно продемонстрировал с тухлым лицом принц Чарльз Третий, с которым его любимой дочурке жить и всеми силами стараться не тужить, что кажется, невозможно, то немедленно через переживания за принцессу рассердился на этого, что за рожа невыносимая такая, принца Чарльза Третьего. А как только он расстроился, то решил помучить принца, не замечая его присутствия, углубившись в свои думы.

Ну а принцу Чарльзу Третьему ничего и не остаётся делать, как расшаркиваться ногами, напоминая Царю-батюшке, что его ждут, переваливать с ноги на ногу свой вес и в негативном ключе о Царе-батюшке, этом старом хрыче и маразматике думать. И, пожалуй, на этот раз принцу Чарльзу Третьему повезло в том, что он уныло и на эмоции непробываемо выглядит, плюс его мысли оформляются в слова иначе, нежели у всех нормальных людей в местном царстве-государстве, а то бы он в миг себя выдал в том, как ему ненавистен всеобщий любимец Царь-батюшка.

Но вот вроде бы Царь-батюшка перекипел в себе и вновь вспомнил, что он батюшка не только для одной своей дочери, но и для всех своих поданных (только не в том смысле, в сторону которого с подозрением посматривает царевна, та ещё жаба по чисто субъективному мнению Царя-батюшки, когда он бывает рассержен), кто благодаря ему так живёт зажиточно. Ну а те, кто не столь преуспел, то у Царя-батюшки не семь глаз и рук, и он за всеми не уследит.

– Значит так, прежде чем я озвучу свою волю, я хочу для себя кое-что знать. – Прищурившись, обращается к принцу Чарльзу Третьему Царь-батюшка. Ну а принц Чарльз Третий, как не старался, а сразу поник в лице, как только до него через переводчика довели значение сказанного Царём-батюшкой. – Вот же сволочь. – Сразу всё понял за этого Чарльза Царь-батюшка. – Тот ещё крохобор. И моей Анютке придётся с ним не сладко. И ей придётся

забыть о щедротах души, да и для организма, к вашим, Ваше величество, услугам, одна только овсянка. Надо ей хоть конфеток на дорожку в карман положить. – Озаботился новой проблемой Царь-батюшка. После чего злобно так смотрит на этого скупердя Чарльза Третьего, чей ход мысли был только отчасти в ту сторону, в которую подумал Царь-батюшка, а так-то он думал куда о больших просьбах со стороны этого Царя-батюшки, несносного, до поры, до времени, старикана.

– Так с какой целью ты сюда припёрся? – Царь-батюшка, вот так, по-родственному (все династические фамилии приходятся друг другу какими-нибудь, да родственниками), решил спросить с принца Чарльза Третьего.

– Так это, вы меня позвали. – Осев в растерянности, проявляет недалёковидность, а скорее тупость, Чарльз Третий.

Здесь Царь-батюшка, со смехом указывая своим боярам, тоже дюже развеселившимся, на этого бестолкового принца, и не понявшего, о чём его спрашивают, замечает им. – Вы видели этого придурка. Ха-ха. Я его, мол, звал. Да на хрен, спрашивается, ты мне тут сдался, если бы ты сам к нам не припёрся! – Вот умеет же Царь-батюшка в одно замечание точно охарактеризовать политическую обстановку в стране. И при этом без всяких мудрёных слов, просто и доступно для понимания своих ближайших соратников.

– Ладно. Посмеялись и хватит. – Успокаивает себя и бояр Царь-батюшка. – А теперь к делу. – Строго так говорит Царь-батюшка, в миг организовав тишину в тронном зале, где и происходила эта аудиенция.

– Значит, по зову сердца сюда заявился. – За принца делает правильные выводы Царь-батюшка, а тот кивая, со всем соглашается. – Ну что ж, тогда слушай мою волю. – Здесь Царём-батюшкой делается кульминирующая событие пауза, во время которой все, наверное, кроме только Царя-батюшки и настырного принца Чарльза Третьего, перестали дышать и онемели в лицах, принявшись друг к другу прислушиваться, может какая оказия с соседом случится, а ты прослушал. В общем, что было в воле человека, то было выполнено строго по правилам, и все тут люди проявляли терпение друг к другу и сдерживали в себе и за пределами своих лиц возможное неприятие друг друга.

Но не всё в нашем мире находится в воле человека, а там, куда его руки не дотягиваются, ну к примеру, до туда, куда он не допрыгнет и даже лестница не в силах помочь ему дотянуться до некоторых мест на потолке в царских палатах, – чем и пользуются гадливые мухи, засерая там всё, – что-то иное бытует. И вот одна из таких, рождённых в своеволии и привыкшая к безнаказанности муха, раз она ещё жива и не прибита рукой человека, вдруг обнаружив, что снизу возникла такая тишина, решила спуститься вниз со своего недоступного места, и разузнать, что тут происходит и что послужило причиной таких изменений.

Ну а так как все новости находятся на кончике носа, то её выбор был предопределён. И ей только и оставалось, как выбрать для этого дела наиболее подходящий нос. Ну а здесь вне всякой конкуренции нос Чарльза Третьего. И муха напрямик туда, на эту жёрдочку, шумно садится и к оглуплению глаз Чарльза Третьего, сфокусировавшего свой взгляд на своем носе и мухе, начинает ползать по носу, выискивая для себя наиболее удобное место. А все вокруг это дело моментально заметили, и теперь забыв дышать, со всем вниманием смотрят на это представление, которое устроила на носу Чарльза муха.

– Никак ручная? – искренне удивился Царь-батюшка, много слышавший об иноземной хитрости, где иноземец чего только не придумает, чтобы прославиться. С этим вопросом и с укоризною в глазах Царь-батюшка смотрит на своих бояр, кто ничего подобного никогда не демонстрировал ему и как бы спрашивает их. – Ну что, видели на какую дурь способен иностранец, чтобы только потрафить вашему государю. А вот вы, толоконные лбы, только и способны, как оббивать мои пороги этими своими лбами. Тьфу на вас, никакого интеллекта.

А самый смелый и отчасти дерзкий из бояр, Собакин, накалился лицом от таких, очень верных слов Царя-батюшки, век ему жить и здороваться с ним в этих палатах, переводит свой полный тёмных замыслов взгляд на этого чёртова эквилибриста Чарльза, затем закатывает рукава своего кафтана, да и вперёд к Чарльзу. И никто в тронном зале не успевает сообразить, куда это боярин Собакин без царского спросу решил отлучиться, как он уже вот он, стоит рядом с Чарльзом и вызывает в его лице оторопь в связке с недоумением замахом своей руки.

Ну а дальше на весь зал раздаётся звонкий хлопок, где все видят, как Чарльз пошатнулся на месте, но всё же устоял. А затем, пока все вокруг соображают и догадываются, что это сейчас такое было, боярин Собакин уже опять занял своё боярское место рядом с Царём-батюшкой и ждёт от него заслуженных похвал – вон как я хлёстко сбил всю спесь с этой апломбированной физиономии принца. А Царь-батюшка по-своему реалист и он с очевидностью поспорить не может – принц Чарльз Третий и в самом деле уже не столь деловито и высокомерно выглядит с этой на всё лицо красной отметиной и чёрной точкой на самом краю кончика носа (это всё, что осталось от мухи).

Правда всё это несколько не дипломатично вышло, и принц Чарльз Третий, из-за своей далёкости понимания местных обычаев, ещё, пожалуй, в своём самомнении решит оскорбиться, а затем пожаловаться своему папеньке, – вон как мне на всё лицо припечатали, – и Царь-батюшка, не давая времени принцу на этот счёт поразмыслить, озвучивает ему свою волю насчёт принцессы.

А принц и в самом деле собрался сообразить в обидчивую сторону, – никто не смеет меня щёлкать по носу, а тем более всей пятернёй, – но тут ему на ухо озвучивают царское предложение, и он обо всём забывает, впадая в новое недоразумение насчёт ловкости Царя-батюшки.

– Как это всё понимать? – с болью в сердце почёсывая свой нос, задаётся вопросом принц Чарльз Третий.

– Нашими обычаями. – Умело ссылается на свою субъектность и менталитет Царь-батюшка. – Впрочем, вас никто не заставляет, и вы можете отказаться. – Притворно равнодушно показывает Царь-батюшка. – Мы и среди соотечественников недостатка в претендентах в женихи, а затем на престол не испытываем. – С зевотой говорит Царь-батюшка, кивая в сторону боярского племени, давая понять принцу, что его тут уважили, не сразу отказав, а он ещё тут возмущается и качает права.

И принц Чарльз видимо уразумел этот посыл Царя-батюшки на отсутствие у него права быть в приоритете у принцессы. И он принялся на своём, один смех у Царя-батюшки и бояр, диковинном языке спорить и советоваться со своими, такими же как он пугало на тонких ножках и с иссохшими физиономиями советниками. – Один только сэр Мальборо вызывает уважение своим самобытным, близким к нашему видом. – Вот так охарактеризовал делегацию принца Царь-батюшка.

А принц Чарльз, между тем, проконсультировался со своими гуру юридической мысли, то есть советниками, кто сплошь состоял из одних адвокатов и юристов, и раз говорит выхода нет другого, то он в принципе согласен принять участие в этом шоу.

– Вот же какой принципиальный. – Усмехается царь-батюшка. – Ну а раз так, – поднимаясь на ноги, говорит Царь-батюшка, – то можете познакомиться с вашим соперником. – Здесь Царь-батюшка хлопает в ладоши, и через одну из боковых дверей в зал приводят Тёзку, приодетого в боярские одежды. Что тут же вызывает бурление в головах боярства и их не стояние на одном месте, а также совещательное волнение в лицах советников принца Чарльза; и сам он обескуражен происходящим.

Ну а Царь-батюшка, предупреждая недовольство и негодование принца Чарльза, ещё выше задравшего свой нос и не сводящего своего холодного взгляда со своего соперника, – Я есть принц, а ты кто есть такоф? – сразу приступает к конструктиву.

– Вам, принц, как гостю, мы предоставляем право первому начать отыскивать принцессу. – Говорит Царь-батюшка, в момент перебивая все прежние мысли принца, который и без перевода слов Царя-батюшки, по его масляному лицу заподозрил в нём обман. А когда ему на ухо перевели всё, что тут сейчас сказал Царь-батюшка, то он сразу понял, что его хотят обдурить. А с этим он несколько не согласен, и не потерпит, чтобы его тут за дурака считали.

– А там может и не быть никакой принцессы, – рассудил про себя принц Чарльз Третий, хотя мог бы и вслух, ведь его всё равно кроме его советников тут не понимает (а на них ему плевать), – а там может быть какая-нибудь курва, или ещё хуже, остолоп мужицкой наружности. Нет уж, я не дурак первым пробовать. Я уж лучше обожду. А если этот мужлан сподобится наудачу, то за моей спиной находятся самые лучшие адвокаты Европы, да и все мировые суды подо мной находятся, и мне легко будет оспорить всю эту ситуацию. – И принц Чарльз Третий, так своё решение подкрепив, обращается к Царю-батюшке с благородным предложением.

– Мне не нужны побрякушки. – С высоты своего честолюбия, за которым стоит вся династия Чарльзов, не без труда и рубки голов противников своей династической фамилии столько веков удерживающих трон, заявляет принц Чарльз Третий.

– Тогда жребий. – Мигом соображает Царь-батюшка. Чарльз Третий совещательно смотрит на своих советников и получив от них добро, кивком выражает своё согласие (Тёзку и не думают спрашивать).

– Есть монета? – а вот этот вопрос Царя-батюшки вызывает затруднение его понимания в лице Чарльза и его советников, по всей возможной их видимости, скорей всего, больших нумизматов. И всё что касается монет вызывает у них сердечный трепет, придирчивость и невозможность сразу понять своего собеседника. При этом принц Чарльз Третий не может во всеуслышание признать себя государственным лицом без карманных денег, ведь тогда прослышь голодранцем. Что и говорить, а ловко его подловил Царь-батюшка, в один свой вопрос проясняя душевную конституцию принца, – расчётлив ли он, или же расточителен, – а заодно обстоятельность его предложения сватовства, может он гол как сокол и хочет скорбные дела своего королевства поправить за счёт этого брака.

Но принц Чарльз Третий и сам не так прост, и что касается растрат, то он в этом деле более чем как наторел. И он искоса смотрит на сэра Мальборо и озвучивает его имя: «Сэр Мальборо». Ну а сэр Мальборо сразу просёк, к чему всё это обращение ведёт, – к его растратам, принц хочет залезть к нему в карман, – и он, конечно, не сразу выразил готовность прийти на помощь принцу, притворившись глухим на оба уха. И тогда принцу Чарльзу приходится наступать на ногу этому строптивому сэру Мальборо, чтобы до него дошло то, что его будет ждать опосля, по приезду домой, если он немедленно не одумается и не услышит своего сюзерена.

– Да чёрт с тобой. – Исказившись в лице красноречивым посылом, сэр Мальборо вынимает из кармана горсть монет и только было собрался выбрать самую из них мелкую, как этот принц Чарльз прямо-таки его выводит из себя своим заявлением: «Не мелочитесь, сэр Мальборо». На что сэр Мальборо ему бы заметил: «Вот вы и не мелочитесь, если вы такой богатый», но они с принцем находятся не один на один и сэр Мальборо не мелочится, выбрав самую крупную монету.

– Сойдёт. – Говорит Царь-батюшка, после того как изучил монету, отданную сэром Мальборо с некоторой дрожью в руках и неуверенностью в лице. После чего перед соперниками подбрасывается монета и она, что за такой пружинистый пол, отскакивает от него и закатывается под царский трон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.